Святогорскій монахъ Климентъ.

ИМЕБОЖНИЧЕСКІЙ БУНТЪ

ИЛИ ПЛОДЫ УЧЕНІЯ КНИГИ

„НА ГОРАХЪ КАВКАЗА".

(КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АѲОНСКОЙ СМУТЫ).

ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Святогорскій монахъ Климентъ.

ИМЕБОЖНИЧЕСКІЙ БУНТЪ

ИЛИ ПЛОДЫ УЧЕНІЯ КНИГИ

„НА ГОРАХЪ КАВКАЗА“.

(КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АѲОНСКОЙ СМУТЫ).

ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 10 марта 1916 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1309
29

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ОТЪ АВТОРА.

Появленію въ свѣтъ настоящей брошюры, предлагаемой вниманію правдолюбивыхъ читателей, предшествовали слѣдующія обстоятельства:

Вскорѣ, послѣ учиненнаго имебожниками на Аѳонѣ кровопролитнаго бунта, стали появляться въ періодической печати тенденціозныя статьи, оправдывающія имебожниковъ въ ихъ бунтовщическихъ дѣяніяхъ, даже въ основѣ отрицающія названный бунтъ. Появленію статей способствовалъ преимущественно самъ глава имебожническаго бунта, іеромонахъ Антоній Булатовичъ. Таковыя статьи, по удаленіи имебожниковъ съ Аѳона, сильно умножились, продолжали печататься долгое время и много надѣлали шума. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ красовались подписи лицъ, не только не ознакомившихся съ аѳонской смутой хотя бы отъ безпристрастныхъ очевидцевъ или изъ документовъ, относящихся къ смутѣ, но даже не желавшихъ, какъ должно, ознакомиться съ ней и писавшихъ статьи подъ диктовку имебожниковъ, голословно оправдывающихся въ своихъ бунтовщическихъ дѣяніяхъ, и сторонниковъ ихъ.

При такомъ отношеніи печати къ исторіи имебожническаго бунта, истина исторіи его съ теченіемъ времени затемнялась все болѣе и болѣе.

Къ сожалѣнію, тогда православные аѳониты не придавали этому обстоятельству должнаго значенія, при

томъ же, находясь на Аѳонѣ, они не въ состояніи были своевременно слѣдить за текущей печатью. Правда, въ то время я находился въ Россіи и намѣревался въ интересахъ истины выступить въ печати противъ неправды означенныхъ статей, но, въ силу сложившихся обстоятельствъ и преимущественно — послѣдствій перенесенныхъ мною отъ имебожниковъ побоевъ, былъ вынужденъ на бездѣйствіе и, за немногимъ исключеніемъ, ограничивался лишь собираніемъ матеріала для исторіи имебожнической смуты, желая предоставить его въ распоряженіе будущему историку ея.

Такое молчаніе съ нашей стороны способствовало въ обществѣ сложиться убѣжденію о разыгрывающихъ роль обиженныхъ властями имебожникахъ, что они суть невинные страдальцы, безвинно удаленные съ Аѳона, яко бы за религіозную истину. Немало этому способствовало одно духовное лицо, неоцѣнившее упорства имебожниковъ и старавшееся побудить церковную власть признать ихъ православными, какъ безсознательно, лишь по невѣжеству, противящихся истинѣ, или даже вовсе непротивящихся ей, но лишь какъ неспособныхъ, по своей простотѣ, какъ должно, исповѣдать своей вѣры («Нов. Вр.», № 13703). Но это не могло ни перекинуть чрезъ пропасть ереси мостика для возвращенія еретиковъ въ православіе, ни убѣдить церковную власть признать еретиковъ православными, но лишь умножило шумъ, создавшійся около имебожнической ереси, и побудило имебожниковъ еще болѣе противиться постановленіямъ властей Россійской и Константинопольской Церквей.

Съ объявленіемъ настоящей войны, означенный шумъ какъ будто затихъ. И кому онъ уже былъ интересенъ, когда вниманіе всего общества и печати, казалось, было поглощено войной. Но въ дѣйствительности оказалось не совсѣмъ такъ. На смѣну такъ энергично шумѣвшихъ преимущественно мелкихъ газетъ и журналовъ выступилъ большой, популярный журналъ «Историческій Вѣстникъ» и въ статьѣ «Черный бунтъ» не только исказилъ исторію имебожническаго бунта, но и набросилъ недобрую тѣнь на чест-

ное имя игумена Андреевскаго скита, архимандрита Іеронима, и на другихъ противниковъ имебожнической ереси.

Если мнѣ, какъ довѣренному названнаго скита и личному довѣренному архимандрита Іеронима, не было извинительно воздерживаться отъ разоблаченія лжи и маленькихъ газетъ и журналовъ («Гроза», «Дымъ Отечества» и друг.), то молчаніе, при появленіи статьи «Черный бунтъ» въ такомъ серьезномъ журналѣ, какъ «Историческій Вѣстникъ», думаю, было бы преступленіемъ съ моей стороны противъ скита, игумена и самой православной Церкви. При этомъ я за необходимое счелъ возбудить ходатайство въ редакціи этого «Вѣстника» возстановить на его страницахъ искаженную на нихъ истину исторіи имебожническаго бунта и опровергнуть возводимую клевету на архимандрита Іеронима и другихъ оклеветанныхъ лицъ.

Ходатайство предварительно кончилось тѣмъ, что редакторъ журнала предложилъ мнѣ доставить въ редакцію статью—историческій очеркъ имебожническаго бунта, давъ слово напечатать ее въ названномъ журналѣ: и тѣмъ возстановить попранную истину и опровергнуть названную клевету.

Статья вскорѣ была изготовлена мной, но, къ сожалѣнію, оказалась по своему объему непріемлемой для напечатанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Требовалось ее сократить. Какъ разъ въ то время я долженъ былъ уѣхать на Аѳонъ. Уѣзжая, я рукопись статьи захватилъ съ собою, имѣя въ виду сократить ее тамъ, на Аѳонѣ, и дать прочесть ее начальству и братіи нашего Андреевскаго скита и монастыря св. Пантелеимона. При этомъ имѣлось въ виду не только ознакомить ихъ съ изложеніемъ имебожнической смуты, но преимущественно провѣрить изложенное мной—не вкрались ли въ этотъ историческій очеркъ «Имебожническаго бунта» неточности, не соотвѣтствующія истинѣ. Въ обѣихъ обителяхъ многіе читали ее несокращенную и не соотвѣтствующаго истинѣ въ ней ничего не замѣтили. При этомъ начальство рѣшило пополнить ее главными документами, относящимися къ имебожнической ереси и смутѣ, и издать ее и отдѣльной книгой.

Первое было въ скоромъ времени исполнено, но второе, по независящей отъ автора причинѣ, къ сожалѣнію, пришлось до времени отложить и лишь ограничиться изданіемъ отдѣльныхъ оттисковъ названной статьи изъ «Историческаго Вѣстника», съ небольшимъ пополненіемъ и прибавленіемъ къ ней газетныхъ статей, пополняющихъ очеркъ «Имебожническій бунтъ...»

Такъ какъ настоящій очеркъ предназначался исключительно для читателей «Историческаго Вѣстника» и появленіе его въ отдѣльномъ изданіи есть дѣло случайное, то возможно, что, при чтеніи его, могутъ у не прочитавшихъ статьи «Черный бунтъ» появиться вопросы, но они, по нашему мнѣнію, не въ состояніи испортить общаго впечатлѣнія отъ возстановленной нами картины имебожническаго бунта, но даже въ состояніи, хотя и туманно, сказать, какъ имебожники неразборчивы въ средствахъ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую брошюру, мы съ чувствомъ благодарности будемъ привѣтствовать всякій отзывъ на нее, если таковой явится плодомъ всесторонняго и безпристрастнаго изученія исторіи имебожническаго бунта на мѣстѣ происшествія его, ибо онъ изобличитъ имебожниковъ въ преднамѣренной лжи, а ихъ неосмотрительныхъ защитниковъ-публицистовъ въ незнаніи исторіи этого бунта: и тѣмъ принесетъ Православной Церкви немалую пользу.

Святогорскій монахъ Климентъ.

Имебожническій бунтъ или плоды ученія книги «На горахъ Кавказа» [1]

I.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника», въ книгѣ за январь 1915 года появилась статья Е. Н. Косвинцева, озаглавленная «Черный бунтъ»

Г. Косвинцевъ говоритъ въ статьѣ: «Мнѣ пришлось бесѣдовать съ безпристрастными очевидцами «бунта» въ Андреевскомъ скиту, читать документы, относящіеся къ этому эпизоду, и въ настоящей статьѣ я могу возстановить точную картину всего, происшедшаго въ Андреевскомъ скиту въ памятные дни 10—13 января 1913 года».

При первомъ впечатлѣніи, это какъ будто бы ручается за точность возстановленной г Косвинцевымъ картины и возможно, что иной читатель посмотритъ на нее, какъ на точную картину всего, происшедшаго въ помянутомъ скиту. Но не слѣдуетъ ли къ ней попристальнѣе присмотрѣться и обратить вниманіе на то: почему г. Косвинцевъ, при возстановленіи картины, не привелъ ни одного имени тѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, съ которыми будто бы бесѣдовалъ о безпорядкахъ, описанныхъ имъ, а привелъ лишь дневникъ имебожника монаха Николая Протопопова, весьма пристрастнаго очевидца.

Это способно навести читателя на мысль, что г. Косвинцевъ основывался, при возстановленіи картины, не на словахъ безпристрастныхъ очевидцевъ, но исключительно на словахъ имебожниковъ и сочувствующихъ имъ.

---

[1] Настоящій очеркъ напечатанъ въ сокращенномъ видѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ книгѣ за мартъ мѣсяцъ 1916 года.

Будучи насельникомъ Андреевскаго скита, противникомъ аѳонской имебожнической смуты, очевидцемъ происшедшаго въ нашемъ скиту въ его злополучные дни и однимъ изъ пострадавшихъ отъ имебожниковъ во время ихъ ожесточеннаго бунта, я, не отрицая части справедливости въ возстановленной г. Косвинцевымъ картинѣ, считаю своимъ долгомъ во имя правды сказать, что картина въ большей части не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Хотя для меня обнажать аѳонскія раны и больно и горько, но, при данномъ случаѣ, я не считаю себя въ правѣ молчать и предлагаю вниманію безпристрастной читающей публики свой правдивый разсказъ о безпорядкахъ, происшедшихъ на Аѳонѣ въ скорбной памяти дни 1908—1913 годовъ.

Цѣль настоящаго разсказа—поставить рядомъ съ картиной г. Косвинцева другую картину на одинъ съ нею сюжетъ, чтобы дать зрителю возможность установить, при сравненіи ихъ, которая болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ.

За справедливость разсказа могутъ отчасти ручаться документы [1]) и письма, относящіеся къ имебожнической смутѣ] и бунтамъ, находящіеся въ скиту и у меня подъ рукою, и копіи таковыхъ, переданныхъ въ Московскую Синодальную Контору для суда надъ имебожниками. Разсказъ могутъ подтвердить паломники скита-очевидцы безпримѣрнаго зрѣлища въ немъ. Ихъ можно по имѣющимся въ скиту адресамъ вызвать въ качествѣ свидѣтелей на судъ или слѣдствіе. Послѣднее легко можетъ возстановить искаженную въ печати имебожниками истину аѳонскихъ безпорядковъ и обличить имебожниковъ въ ихъ бунтовщическихъ на Аѳонѣ дѣяніяхъ, въ коихъ они голословно оправдываются предъ властями и публикой, и съ цѣлью завладѣть частью капитала обителей, въ коихъ учинили бунты, горько сѣтуютъ въ печати и жалуются на свое якобы «безвинное и несправедливое изгнаніе съ Аѳона» («Нов. Вр.», № 13.719).

II.

Начало имебожническому движенію на Аѳонѣ положено въ скиту Ѳиваида. Причиной ему послужила книга: «На горахъ Кавказа», написанная лѣтъ семь тому назадъ выходцемъ изъ Пантелеимонова монастыря въ Кавказскую пустыню, схимонахомъ Иларіономъ.

Въ книгу легло ученіе о. Иларіона объ имени Божіемъ «Іисусъ»: « .Имя Господа Іисуса Христа есть Самъ Онъ, Господь Богъ. Въ имени Божіемъ присутствуетъ Самъ Богъ—всѣмъ Своимъ существомъ и (всѣми) Своими безконечными свойствами» (кн. «На горахъ Кавказа», изд. 1, стр. 11, 13).

---

[1]) Зри «Сборникъ документовъ относящихся къ аѳонской имебожнической смутѣ»

Эти выраженія—точное ученіе о. Иларіона. Его онъ называетъ «догматомъ» Вотъ какъ это въ своихъ письмахъ выражаетъ онъ: «Положеніе догмата, сдѣланное нами, важное, необычайное, чрезвычайное, и въ такомъ видѣ, въ какомъ мы его поставили, не встрѣчается нигдѣ, кромѣ какъ только у о. Іоанна Кронштадтскаго» («Исторія Аѳонской смуты», стр 8).

Очевидно, постановляя, утверждая, формулируя «новый догматъ», о. Иларіонъ позабылъ, или вовсе не зналъ, что на все это правоспособна только одна Церковь, и что «сверхъ преданнаго ученія Церкви и помимо его никому не дозволено новшествовать и новыя выраженія употреблять».

Назвавъ свое ученіе догматомъ, о. Иларіонъ сравнительно мало выяснилъ его. Этотъ трудъ взялъ на себя о Антоній Булатовичъ и прибавилъ къ ученію о. Иларіона много такого, чего и не подозрѣвалъ въ своемъ ученіи о Иларіонъ. При этомъ о. Булатовичъ, такъ сказать, затѣнилъ о. Иларіона и, отодвинувъ назадъ, самъ сталъ впереди. Послѣ сего во главѣ имебожнической ереси сталъ не о. Иларіонъ, а преемникъ его о. Булатовичъ, о дѣятельности котораго поговоримъ послѣ.

Такимъ образомъ, вотъ что породило споръ въ средѣ мирнаго монашескаго братства· смѣлыя выраженія о. Иларіона· «Имя Господа Іисуса Христа есть Самъ Онъ Господь Богъ. Въ имени Божіемъ присутствуетъ Самъ Богъ—всѣмъ Своимъ существомъ и (всѣми) Своими безконечными свойствами», и подобныя имъ, а не приводимый г. Косвинцевымъ «довольно осторожный выводъ о Иларіона: Имя Божіе *какъ бы* есть Самъ Богъ.» Такой выводъ могъ бы, пожалуй, быть со стороны простецовъ, каковы первые принявшіе въ Ѳиваидѣ ученіе о. Иларіона, вовсе не замѣченнымъ. Да и о чемъ было тутъ спорить? Но выше упомянутыя рѣзкія выраженія о. Иларіона вызвали недоумѣніе и споръ.

Нѣсколько иноковъ скита Ѳиваиды, сильно сомнѣваясь въ ученіи о. Иларіона, обратились для разрѣшенія своихъ недоразумѣній къ питомцамъ духовныхъ академій, іеромонахамъ о. Алексію (Кирѣевскому) и о. Ѳеофану, живущему въ глубокой пустыни, предъ коими до сихъ поръ благоговѣли, какъ предъ безукоризненными въ монашеской жизни и людьми богословской науки.

Эти отцы, спрошенные ѳиваидцами, благоразумно посовѣтовали имъ не касаться богословскихъ вопросовъ, трудныхъ для ихъ пониманія, и, во избѣжаніе другихъ недоразумѣній, просили ихъ перестать читать означенную книгу о. Иларіона, такъ какъ-де для чтенія и безъ нея болѣе нежели достаточно книгъ Священнаго Писанія, Св Отцевъ и учителей Церкви и многихъ другихъ авторитетныхъ лицъ. Обращались они (ѳиваидцы) и къ другимъ также, но ихъ мнѣнію, авторитетнымъ лицамъ. Но и послѣднія говорили имъ и совѣтовали то же.

Казалось, такой благоразумный совѣтъ могъ бы воздѣйствовать на нихъ, но къ глубокой скорби, они не послушались его и стали сами изслѣдовать этотъ для нихъ неудоборѣшимый вопросъ и дошли до того, что согласились съ о. Иларіономъ, не принявъ во вниманіе того, что ученіе его, по его личному признанію, построено на его сердечныхъ чувствахъ и на какихъ-то его выводахъ и не есть разумъ ни Священнаго Писанія, ни Церкви. Напрасно говоритъ г. Косвинцевъ, что сторонники о. Иларіона приводили въ защиту его многочисленные тексты изъ Священнаго Писанія, гдѣ говорилось, что «имя Божіе есть Самъ Богъ», ибо таковыхъ текстовъ въ Священномъ Писаніи нѣтъ.

III.

Усвоивъ ученіе о. Иларіона, помянутые иноки стали распространять его въ своемъ скиту Ѳиваида. Первое время пропаганда не имѣла успѣха, такъ какъ изъ среды самихъ ѳиваидцевъ выступили противники этого новаго ученія, вслѣдствіе чего начались въ скиту религіозные пререканія и споры.

Имебожники повели противъ противниковъ своихъ агитацію: злословили ихъ всюду и отъ всѣхъ требовали бѣгать отъ нихъ, какъ отъ заразы, и тѣмъ подрывали авторитетъ тѣхъ лицъ, предъ коими доселѣ братія благоговѣла, а тѣхъ, кто не слушался имебожниковъ, послѣдніе назвали еретиками. Такимъ образомъ, получилось начало насилія, вслѣдствіе котораго пропаганда имебожниковъ со временемъ получила успѣхъ. Одни изъ братіи, вовсе не умѣя, даже не желая разобраться въ этой клеветѣ и новшествѣ о Иларіона, на слово вѣрили имебожникамъ и начинали отъ оклеветанныхъ держаться въ сторонѣ; другіе слегка входили въ разрѣшеніе спорнаго вопроса и, также не умѣя разобраться въ немъ, примыкали къ заблуждающимся, иные, во избѣжаніе злословія со стороны имебожниковъ, входили въ сдѣлку съ своей совѣстью и отвѣчали на вопросы ихъ двусмысленно, или молча преступно соглашались съ ними и тѣмъ умножали ихъ сторону. Многіе ратовали за нихъ безъ всякаго отчета, лишь видя на ихъ сторонѣ немалое число, будто бы сознательно, принявшихъ ученіе о. Иларіона, и, примыкая къ нимъ, указывали православнымъ на своихъ сторонниковъ, крича: «Васъ горсточка, а насъ весь скитъ, и внѣ скита все наши! «Съ этой поры скитъ раздѣлился на двѣ неравныя стороны, враждебныя между собой. Брошенная о. Иларіономъ искра постепенно превращалась въ бурное пламя.

Имебожники стали обвинять православныхъ въ ереси предъ начальствомъ своего монастыря [1]) и, желая влiять на нихъ авторите-

[1]) Господствуетъ надъ скитомъ Пантелеймоновскій монастырь.

томъ начальства, при случаѣ просили послѣднее подписать вѣроученіе, составленное ими Игуменъ о. Мисаилъ. не входя въ объясненія по существу предложенной для подписи бумаги, благоразумно, по совѣту о. Алексія (Кирѣевскаго), уклонился отъ подписи. Съ этой поры они и его тайно зачислили въ разрядъ еретиковъ. Спокойный доселѣ Пантелеимоновскій монастырь началъ волноваться. Еще бы! Кому желательно подчинять свою волю игумену «еретику»!

Въ монастырѣ оказалось немалое число стойкихъ противниковъ имебожнической ереси, напримѣръ, самъ игуменъ о. Мисаилъ, схимонахъ Леонъ, іеромонахи: Кирикъ, Вероникъ, іеродіаконъ Неархъ, монахи. Денасій, Митрофанъ, Пинуфрій, другой Митрофанъ и другіе. Начались словесные поединки и общія сраженія. Казалось, побѣда была на сторонѣ православныхъ. Этому еще способствовало то, что въ это время появилась на книгу: «На горахъ Кавказа» критическая рукописная рецензія о. Хрисанѳа, схимонаха Ильинскаго скита[1]) Рецензія была вскорѣ напечатана въ журналѣ «Русскій Инокъ» (№№ 4, 5, 6 1912 г.) съ благопріятнымъ отзывомъ Антонія архіепископа волынскаго (теперь харьковскаго), и временно принесла немалую пользу. Благодаря ей, многіе увидѣли нелѣпость ученія о Иларіона и отстали отъ него.

Это имебожниковъ сильно оскорбляло. Они стали готовиться къ рѣшительной защитѣ. Не имѣя толковыхъ защитниковъ въ своемъ монастырѣ, они обратились за ними въ Ѳиваиду, но и тамъ таковыхъ не оказалось. Болѣе энергичные ѳиваидскіе имебожники, желая выиграть общее сраженіе, стали таковыхъ искать на сторонѣ. Они знали, что въ Андреевскомъ скиту есть лицеистъ іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ, и къ нему обратились съ просьбой выступить въ защиту новаго догмата. Однако, о. Булатовичъ оказался противникомъ его, встрѣтилъ ихъ весьма недружелюбно и на первыхъ порахъ сильно противился имъ, и, какъ говоритъ г. Косвинцевъ, подсмѣивался надъ ними «ѳиваидскими мужичками», коихъ, спустя немного болѣе полгода, назвалъ «лапотниками» Такъ о семъ разсказывалъ мнѣ общій нашъ съ о. Антоніемъ другъ, пустынникъ о. В—нъ «О. Антоній, указывая мнѣ кучу бумажныхъ лоскутковъ, сказалъ: «Мнѣ это «лапотники» натаскали. Они кстати и некстати нахватали цитатъ изъ Слова Божія и Святоотеческихъ твореній и доставили мнѣ для моихъ компиляцій. Мнѣ остается только одно: привести эти выдержки въ порядокъ. Вѣдь они хотя и «лапотники», но, прожившіи десятки лѣтъ въ монастырѣ, читали много и знаютъ почти не меньше присяжныхъ богослововъ».

---

[1]) См. замѣтку о. Хрисанѳа въ «Истор. Вѣстн.», въ книгѣ за апрѣль мѣсяцъ 1915 г. по поводу той же статьи г. Косвинцева.

Но послѣ немногихъ преканій о. Булатовичъ согласился съ ними—принялъ «новый догматъ» и сталъ во главѣ защитниковъ имебожнической ереси. Это было въ февралѣ 1912 года.

Ѳиваидцы стали часто посѣщать о. Булатовича и приносить ему выдержки изъ Священнаго Писанія, Святоотеческой Письменности, изъ книгъ церковныхъ писателей до современныхъ включительно. О. Булатовичъ, при помощи учителей своихъ, началъ трудиться надъ ними днемъ и ночью, не покладая рукъ, и писать сочиненія въ защиту новаго догмата.

Работалъ онъ много, выбирая изъ доставленнаго ему матеріала то, что нравилось ему и что совѣтовали ему его «лапотники», составлялъ брошюрки и листки, и чрезъ посредство ѳиваидцевъ щедро раздавалъ ихъ аѳонитамъ.

Но этотъ трудъ былъ для него непосильный и вредный для многихъ. Въ свои сочиненія о. Булатовичъ вводилъ много отдѣльныхъ отрывковъ мыслей изъ Свящ. Писанія и Св.-Отеческихъ твореній и изъ книгъ авторитетныхъ писателей, не обращая вниманія на общую связь рѣчи, иногда, быть можетъ безсознательно, допускалъ искаженія и передержки[1]), а посему и смыслъ въ его сочиненіяхъ получался другой. Притомъ же о. Антоній во многихъ мѣстахъ самъ толковалъ тексты свящ. Писанія и Св. Отцевъ и дѣлалъ изъ нихъ свои выводы, которые на страницахъ его сочиненій, становясь выпукло, вводили въ заблужденіе маловдумчивыхъ читателей и въ особенности простецовъ малограмотныхъ. Они принимали ихъ не за слова о. Антонія, а за слова указанныхъ книгъ.

Эти тенденціозныя сочиненія подорвали вѣру простецовъ въ рецензію о Хрисанѳа и поставили о. Булатовича весьма на высокую степень. За нимъ двинулась простодушная, за немногимъ исключеніемъ невѣжественная толпа, готовая итти за нимъ всюду безъ всякаго отчета. Имя его было у нея на устахъ. Она окружила его ореоломъ глубины богословскихъ познаній и святости Его слово для нея стало закономъ. Она всѣхъ посылала учиться у него православію. Къ этому времени о. Булатовичъ успѣлъ совратить въ свою ересь около десятка братіи Андреевскаго скита и у многихъ пробудить интересъ къ чтенію книги: «На горахъ Кавказа».

Игуменъ рѣшилъ принять противъ пропаганды Булатовича рѣшительныя мѣры и позвалъ его къ себѣ на объясненіе. О. Антоній, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, много наговорилъ игумену дерзостей и обозвалъ его еретикомъ. Наконецъ, игуменъ запретилъ ему писать по спорному вопросу. Булатовичъ не послушался и дерзостно

---

[1]) Объ этомъ говорилось въ докладахъ, написанныхъ по порученію Св. Синода, на книгу «На горахъ Кавказа», «Апологію вѣры» и друг., и кажется, печатнаго заявленія о безсознательномъ искаженіи со стороны Булатовича не было.

сказалъ. «Я имѣю мечъ и долженъ посѣкать имъ еретиковъ и ересь». Дальнѣйшія объясненія ихъ кончились тѣмъ, что о. Булатовичъ, не желая подчиняться волѣ игумена, ушелъ изъ скита и поселился на Благовѣщенской кельѣ, отстоящей отъ скита приблизительно на четверть версты.

Уходя изъ скита, онъ братіи сказалъ, что уходитъ изъ скита потому, что игуменъ не признаетъ Іисуса Богомъ, умышленно скрывая, что игуменъ лишь не слѣдуетъ его ученію, по коему самое имя, то-есть наименованіе Божіе, есть Самъ Богъ. Это было 26-го іюля 1912 года. Спустя короткое время, о. Антоній, при полученіи своихъ документовъ, выдалъ скиту собственноручную расписку такого содержанія:

«ІС. ХС.

Симъ удостовѣряю, что документы изъ Андреевскаго скита я получилъ и вообще никакихъ претензій къ скиту Андреевскому не имѣю, ухожу, ибо такъ Богу угодно. Аще же угодно будетъ Господу Богу, дабы возвратился въ мѣсто своего постриженія, то не отрицаюсь, аще братія и игуменъ съ любовію соизволятъ.

Іеросхимонахъ Антоній (Булатовичъ).

13-го августа 1912 года».

IV.

Поселившись на Благовѣщенской кельѣ, о. Булатовичъ почувствовалъ полную свободу дѣйствій въ своей пропагандѣ и, подстрекаемый имебожникомъ-настоятелемъ кельи, продолжалъ пропагандировать свое ученіе съ бо́льшей прежняго ревностью. Ѳиваидскіе и пантелеимоновскіе имебожники, посѣщавшіе его до сихъ поръ болѣе секретно, стали открыто его посѣщать, доносить о состояніи обителей относительно ученія его и еще и еще доставлять выдержки изъ книгъ.

Благодаря кипучей дѣятельности Булатовича и его агентовъ, его пропаганда имѣла большое вліяніе преимущественно на Пантелеимоновскій монастырь. Число имебожниковъ въ немъ быстро росло Въ скитѣ Ѳиваида не отставали отъ нихъ. Въ послѣднемъ преимущественно возставали на о. Алексія (Кирѣевскаго). Даже былъ слухъ, что они намѣревались его убить. Во избѣжаніе сего, онъ, съ разрѣшенія игумена Мисаила, переѣхалъ въ Пантелеимоновскій монастырь, но и въ немъ не встрѣтилъ покоя. здѣсь имебожники также преслѣдовали его.

Вліяя на Пантелеимовскій монастырь и скитъ Ѳиванду, о. Булатовичъ едва ли не большее вниманіе удѣлялъ Андреевскому скиту и старался увлечь его за собой чрезъ посредство своихъ агентовъ скитянъ, еще въ его бытность въ скиту влекшихся его ученіемъ. Они, подъ прикрытіемъ кустарника, затѣнявшаго дорогу

къ Благовѣщенской кельѣ, тайно бѣгали къ нему, носили отъ него въ скитъ прокламации и вербовали на его сторону простодушныхъ скитянъ. Но, несмотря на это, въ скиту было спокойно.

Но зато въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ съ каждымъ днемъ раздоръ между сторонами умножался. Имебожники систематически готовились къ бунту.

Игуменъ Мисаилъ, желая прекратить раздоръ въ своемъ монастырѣ, послалъ спорную книгу: «На горахъ Кавказа» константинопольскому патріарху, прося его высказать о ней свое архипастырское мнѣніе

Узнавъ объ этомъ, имебожники стали распространять слухъ, что о. Мисаилъ послалъ патріарху «шапку золота», чтобы осудилъ названную книгу, и такимъ образомъ заранѣе подорвали вѣру простецовъ въ его архипастырское слово.

Патріархъ разсмотрѣлъ книгу синодально и нашелъ ученіе ея «безсмысленнымъ и богохульнымъ», что и выразилъ въ своей на Аѳонъ грамотѣ. Вотъ текстъ грамоты:

«Тѣмъ изъ монаховъ, которые безсмысленно богословствуютъ и ошибочную теорію о божественности имени «Іисусъ» выдумали и распространяютъ, совѣтуемъ и повелѣваемъ отечески тотчасъ же и строго отстать отъ душевреднаго заблужденія и перестать спорить и толковать о вещахъ, которыхъ не знаютъ

«Имъ надобно прежде всего заботиться о спасеніи души своей, а разрѣшенія какихъ бы то ни было недоразумѣній своихъ они должны искать и находить въ преданномъ ученіи Церкви, сверхъ котораго и помимо котораго не дозволено новшествовать и новыя выраженія употреблять. Иначе противъ распространяющихъ это безсмысленное, богохульное ученіе, смущающихъ Св. гору, приняты будутъ со стороны Церкви строжайшія мѣры, какія указываются священными канонами противъ нечестивыхъ и непокорныхъ и какихъ требуетъ спокойствіе и порядокъ вашего священнаго мѣста.

«А такъ какъ начало и причина соблазна есть невнимательно и неосновательно во многихъ мѣстахъ составленная книга монаха Иларіона: «На горахъ Кавказа», то мы, порицая и осуждая неправильныя и опасныя выраженія въ ней объ имени «Іисусъ», запрещаемъ чтеніе этой книги всѣмъ на Св горѣ, какъ книги, содержащей много ошибочнаго и ведущей къ заблужденію и ереси.

«Богъ же всякой благодати, призвавшій насъ въ вѣчную славу Свою во Христѣ Іисусѣ, Самъ да совершитъ васъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми Ему слава и держава во вѣки. Аминь». (1 посл. ап Петра, глава 5, 10, 11).

«1912 г. сент. 12 дня, № 8522».

«Константинопольскій патріархъ Іоакимъ, во Христѣ молитвенникъ».

Грамота въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ была прочитана въ соборѣ и во множествѣ копій разослана по всему Аѳону, причемъ о. Булатовичу былъ доставленъ и фотографическій снимокъ съ подлинника грамоты на греческомъ языкѣ.

Имебожники призадумались, болѣе благоразумные изъ нихъ согласились съ патріархомъ

Булатовичъ также сначала призадумался и пріунылъ, но, подстрекаемый хитроумными единомышленниками, перетолковалъ грамоту по-своему, сдѣлавъ изъ нея хитроумный выводъ, что грозныя слова патріарха относятся не къ имебожникамъ, а къ противникамъ ихъ, и вскорѣ выпустилъ прокламацію, въ коей обвинялъ начальство Пантелеимоновскаго монастыря въ искаженіи грамоты, причемъ восклицалъ. «Возможно ли, чтобы онъ (патріархъ) сказалъ, что имя Божіе не есть Самъ Богъ ..»

Но, несмотря на это, самъ Булатовичъ, безъ сомнѣнія, не вѣрилъ въ свою прокламацію. Если бы, онъ дѣйствительно, заподозрилъ пантелеимоновское начальство въ искаженіи грамоты, то, не пиша прокламаціи, могъ бы доказать искаженіе ея Ему никто не возбранялъ навести о подлинности ея справку у самого патріарха, тѣмъ болѣе, что она какъ и всякіе документы, имѣетъ дату, но онъ этого не сдѣлалъ, очевидно, зналъ хорошо, что никакого искаженія грамоты не было, и что справка послужитъ къ его посрамленію.

Простецы, ревнующіе не по разуму, не могли обратить вниманія на это и, повѣривъ Булатовичу и его приспѣшникамъ, распространяющимъ клевету о подкупѣ игуменомъ Мисаиломъ патріарха, стали считать грамоту послѣдняго подложною.

Вслѣдствіе этого, на время затихнувшій мятежъ всколыхнулся въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ съ неимовѣрною силой—начались между враждующими сторонами болѣе прежняго ожесточенныя словесныя схватки.

При этомъ имебожники тайно продолжали готовиться къ бунту и болѣе, чѣмъ на другихъ, нападали на помянутаго о Алексія Ему, во избѣжаніе крупныхъ непріятностей, а быть можетъ, и насильственной смерти со стороны имебожниковъ, пришлось, по совѣту начальства, оставить Аѳонъ, уѣхать въ Іерусалимъ до умиротворенія Аѳона.

Начальство этимъ способомъ надѣялось умиротворить мятущееся братство, считавшее о Алексія главнымъ виновникомъ ихъ неудачи привлечь на свою сторону начальство, но этотъ способъ не имѣлъ на мятежниковъ дѣйствія, такъ какъ они ужъ предрѣшили взять начальство въ свои руки и, если явится возможность, замѣнить его изъ своей среды новымъ. Они требовали отъ него полнаго себѣ подчиненія и, по ихъ указанію, выгнать изъ обители стойкихъ въ православіи братій. При этомъ они не переставали на нихъ клеветать, даже и на самого игумена Мисаила, приписывая имъ

всѣмъ вообще то, чего они никогда не говорили, да, благодаря своимъ убѣжденіямъ, и не могли говорить.

Къ тому времени, когда на Аѳонѣ была получена патріаршая грамота, имябожниковъ въ Андреевскомъ скиту насчитывалось не болѣе двухъ десятковъ Булатовичъ принималъ рѣшительныя мѣры увлечь въ свою ересь не только все братство скита, но и самого игумена, архимандрита Іеронима Съ этой цѣлью онъ прислалъ ему свою прокламацію «Новое бѣсословіе имяборцевъ» [1]) Игуменъ отвѣтилъ ему открытымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Сего октября 17-го дня мною отъ Васъ полученъ листокъ Вашего сочиненія «Новое бѣсословіе имяборцевъ». Этотъ листокъ я со вниманіемъ прочелъ

«Вашего ученія, изложеннаго въ немъ и въ другихъ Вашихъ листкахъ, брошюрахъ и въ статьѣ Вашей нашего журнала «Наставленіе и утѣшеніе св вѣры христіанской», озаглавленной «О почитаніи имени Божія», отнюдь не принимаю и очень скорблю, что Вы презрѣли истинное ученіе Церкви и, преклонясь предъ ученіемъ кавказскаго самочинника, схимонаха Иларіона, развращаете мирныхъ насельниковъ Святой горы, за которыхъ въ свое время Вамъ придется отдать отчетъ передъ Богомъ.

«Умоляю васъ, о Антоній, вспомните, зачѣмъ пришли Вы на Святую гору, примиритесь съ святою Церковію, испросите прощеніе у вселенскаго патріарха, у архіепископа Антонія волынскаго, у архимандрита Мисаила и вообще у всѣхъ аѳонскихъ иноковъ: и тогда водворится у Васъ утраченный миръ на душѣ.

«Вашъ искренній доброжелатель, архимандритъ Іеронимъ».

«20-го октября 1912 г»

Но это увѣщаніе не принесло желаннаго успѣха, мало этого, вызвало у о. Булатовича къ о. игумену полнѣйшую ненависть. Булатовичъ рѣшилъ игумена смѣнить, но, не имѣя возможности посѣщать скитъ и непосредственно дѣйствовать на братство, онъ нуждался въ такомъ человѣкѣ, который могъ бы на него влять авторитетно.

Такой авторитетный человѣкъ въ половинѣ ноября пріѣхалъ въ скитъ изъ Македоніи, съ нашего метоха (хутора) Нузла [2]), гдѣ поправлялъ свои старческія силы,—архимандритъ Давидъ, человѣкъ малограмотный, но лишь благодаря случайности получившій санъ архимандрита и стяжавшій славу ктитора нашего скита. Благодаря сей славѣ, онъ пользовался въ немъ особыми правами: жилъ внѣ его въ отдѣльномъ корпусѣ при церкви, какъ будто на безмолвіи, и не стѣсняемый ничѣмъ, проводилъ жизнь по своему личному уставу и порядку. Онъ, подъ вліяніемъ пустынника о. М—рія, при-

---

[1]) Такое названіе далъ о Булатовичъ своимъ противникамъ.

[2]) Въ семи верстахъ отъ гор. Кавалы

нялъ новый догматъ, не прочитавъ выше названной книги о. Иларіона.

Санъ архимандрита, долголѣтняя въ монашествѣ жизнь, благоволеніе къ нему начальства, его старческій видъ, вкрадчивая тихая нѣжная рѣчь и умѣнье рисоваться передъ братствомъ—все это подкупало братію въ его пользу

О Булатовичъ обратилъ на него особое вниманіе и потомъ, какъ увидимъ, использовалъ его въ цѣляхъ своей пропаганды

Вскорѣ, по пріѣздѣ о. Давида на Аѳонъ, игумену пришлось, вслѣдствіе войны на Балканскомъ полуостровѣ, уѣхать, къ несчастію скита, на названный метохъ Управлять скитомъ во время отсутствія игумена былъ избранъ Духовнымъ Соборомъ заслуженный іеромонахъ, маститый старецъ о. Николай.

V.

Отъѣздъ игумена былъ Булатовичу въ руку Онъ счелъ это время удобнымъ для своей пропаганды въ скиту и смѣны ненавистнаго ему игумена о Іероѳима. Съ этой цѣлью онъ заручился содѣйствіемъ архимандрита Давида и, желая образовать въ скиту комитетъ, избралъ себѣ въ секретаря и главнаго помощника монаха П—ра, библіотекаря

О. П—ръ составилъ комитетъ изъ приверженцевъ новаго догмата, большей частію, какъ и самъ онъ, недовольныхъ начальствомъ [1]). Въ составъ комитета вошли и два члена изъ Духовнаго Собора: іеромонахъ С—ій и монахъ Ѳе—тъ. Главный дѣятель комитета былъ на Благовѣщенской кельѣ самъ о. Булатовичъ, а опора его архимандритъ Давидъ Булатовичъ чрезъ посредство комитета разбросалъ въ коридорахъ скита свои прокламаціи и во множествѣ экземпляровъ копіи выше приведеннаго «Открытаго письма». При этомъ агенты его, указывая пальцемъ въ письмѣ на слова «. почитаніи имени Божія я отнюдь не принимаю», толковали письмо въ томъ смыслѣ, что-де игуменъ отрекся отъ Іисуса Христа и отнюдь не почитаетъ имени Его, а посему онъ и есть еретикъ.

Простецы не могли разобраться въ этомъ лукавствѣ и, на слово повѣривъ агитаторамъ, стали подъ диктовку ихъ обзывать игумена еретикомъ.

Но не всѣ простецы повѣрили имъ, многіе изъ нихъ колебались и выражали сомнѣніе въ ереси игумена. Агенты комитета отсылали таковыхъ за разъясненіемъ и справками къ архимандриту Давиду. Послѣдній подтверждалъ имъ, что игуменъ еретикъ, и настаивалъ на томъ, что его надобно смѣнить Чтобы показать свою ревность по Богѣ,

[1]) Въ числѣ ихъ было нѣсколько человѣкъ, ѣздившихъ въ свое время на пароходъ просить себѣ у помянутои въ «Черномъ буптѣ» пресловутои Натали «благодати».

онъ съ церковнаго амвона проклялъ пустынника, нераздѣлявшаго съ нимъ убѣжденій по новому догмату О семъ свидѣтельствуетъ въ своемъ заявленіи самъ пустынникъ о М (Г—нъ), что о. Давидъ проклялъ его съ церковнаго амвона во время литургіи, которую 4-го декабря самъ совершалъ, и приказалъ изъ церкви выгнать его палкой за то, что онъ не раздѣляетъ съ нимъ новаго догмата

Духовный Соборъ смотрѣлъ на происходившее сквозь пальцы, несмотря на то, что старшіе изъ братства просили его принять противъ пропаганды Булатовича рѣшительныя мѣры Что касается замѣстителя игумена, то онъ, по преклонности лѣтъ, ничего не могъ предпринять къ прекращенію начинавшейся крамолы.

Пользуясь этимъ, комитетъ спѣшилъ собрать до пріѣзда игумена возможно большее количество братскихъ подписей на изложеніе его, но, несмотря на просьбы и увѣщанія братіи со стороны комитета, подписка шла неуспѣшно

Это оскорбляло комитетъ и болѣе всего библіотекаря П—ра. Онъ жаловался въ комитетѣ, что подписка идетъ неуспѣшно, что нѣкоторые двоедушничаютъ и лицемѣрятъ, другіе обѣщаютъ подписаться, но не подписываются, говоря, что за правое дѣло мы постоимъ и безъ подписки, и что иные даже приходили и просили вычеркнуть свои подписи.

Стараясь привлечь братію къ подпискѣ, комитетъ придумывалъ разныя средства По его распоряженію, въ церкви и трапезѣ стали читать поученія, въ коихъ при разныхъ обстоятельствахъ восхвалялось имя Божіе. При этомъ имебожники старались толковать ихъ и внушать братству, что-де вотъ что значитъ имя Божіе, а игуменъ его хулитъ. Но сколько ни подбирали таковыхъ поученій, ни въ одномъ изъ нихъ не написано, что имя Божіе есть Самъ Богъ. Чтеніе этихъ поученій имѣло двоякое дѣйствіе на братство Болѣе грамотные понимали, что въ нихъ имя Божіе только восхваляется, но не называется Самимъ Богомъ, остальные не могли разобраться въ смыслѣ поученій и, слыша, какъ въ нихъ восхвалялось имя Божіе, стали повторять за имебожниками ихъ излюбленную фразу: «Имя Іисусъ есть Самъ Богъ», и причислили игумена и сторонниковъ его къ «сретикамъ имяборцамъ» Замѣститель, видя, что эти поученія возбуждаютъ братство, и часть его начинаетъ волноваться, запретилъ читать ихъ, но комитетъ выступилъ противъ него съ клеветой—и замѣститель замолчалъ.

Комитетъ издалъ въ скиту своеобразный законъ. Въ силу этого закона, запрещалось священнослужителямъ, нераздѣлявшимъ съ имебожниками новаго догмата, принимать участіе въ соборныхъ торжественныхъ богослуженіяхъ, кои въ скиту бываютъ во всѣ праздничные дни. При этомъ запрещалось имебожникамъ брать у нихъ благословеніе и, при встрѣчѣ вообще съ кѣмъ-либо изъ противниковъ ихъ, давать братскій привѣтъ. Наконецъ, комитетъ

запретилъ духовникамъ исповѣдовать братій, непринявшихъ новаго догмата.

Нѣкоторые изъ братіи, при встрѣчѣ со мной, задавали мнѣ странный вопросъ: «Ты что? . еще живъ?»...

Но, несмотря на все это, подписей въ крамольныхъ бумагахъ значилось сравнительно мало.

Тогда въ одинъ изъ праздничныхъ дней въ коридорахъ скита появилась прокламація и навела на братію страхъ. Въ ней говорилось, что во время ужина ударятъ въ тарелки и вслѣдъ за симъ начнется избіеніе всѣхъ сторонниковъ Іеронима. Правда, ужинъ прошелъ благополучно, но прокламація имѣла успѣхъ: почти всѣ противники новаго догмата какъ-то сразу притихли и открыто противиться имебожникамъ перестали.

Упоенные успѣхомъ, имебожники почувствовали себя въ скиту полными хозяевами и подписываться къ бумагамъ братію уже не просили и по-прежнему не льстили имъ, а грубо требовали, угрожая выгнать изъ скита неподписавшихся, когда будетъ выбранъ новый игуменъ. При этомъ насилію многіе изъ братства дали противъ своей воли подписку.

Братство скита въ это время можно было раздѣлить приблизительно на три равныя части. Одна треть открыто стояла на сторонѣ Булатовича. Въ ней сознательныхъ имебожниковъ было не болѣе трети, а остальные изъ нея всѣ ратовали за новый догматъ, не давая себѣ никакого отчета. Вторая треть братства малодушествовала, вслѣдствіе насилія со стороны имебожниковъ, и, лицемѣря передъ комитетомъ, кривила душой. Послѣдняя треть, ни на что не взирая, не соглашалась съ комитетомъ.

Булатовичъ, видя большинство братства на своей сторонѣ, уже считалъ почти выиграннымъ свое преступное дѣло, но для полнаго пораженія игумена Іеронима онъ видѣлъ недостатокъ въ своемъ лагерѣ членовъ Духовнаго Собора. Чтобы привлечь къ себѣ, онъ рѣшился ихъ подкупить и съ этой цѣлью пришелъ въ скитъ. Это было его первое посѣщеніе скита съ того времени, когда онъ ушелъ изъ него. Имебожники встрѣтили его съ честью и провели къ скитскому начальству. Послѣднему онъ предложилъ 10 000 руб. за смѣну игумена о. Іеронима. Но оно это предложеніе отвергло. Вскорѣ послѣ этого имебожники приходили на Карсю къ полицейскому чиновнику и, извращая суть дѣла, клеветали на игумена о. Іеронима, что-де не они, а онъ противится патріаршей грамотѣ и хочетъ половину братіи выгнать изъ скита. При этомъ они просили чиновника, когда игуменъ возвратится, вступиться за нихъ. А въ то время, когда требовалось избрать на новый годъ новыхъ епитроповъ[1]), они подбросили членамъ Духовнаго Собора прокламацію, писанную рукою

[1]) Членовъ епитропіи—хозяйственнаго управленія скитомъ.

библіотекаря П—ра Въ ней говорилось, что, во избѣжаніе бунта, не должно выбирать въ епитропы такое-то лицо, а выбрать такое-то и такое-то .

Слово бунтъ наводило на насъ ужасъ, тѣмъ болѣе, что процесся слухъ, что Булатовичъ сорганизовалъ изъ скитской молодежи «боевую дружину» для изгнанія изъ скита непокорныхъ ему. Во избѣжаніе предвѣщеннаго прокламаціей бунта, на Духовномъ Соборѣ было рѣшено отложить избраніе епитроповъ до пріѣзда игумена.

Нахальство имебожниковъ съ каждымъ днемъ возрастало. Даже примкнувшіе къ нимъ исключительно изъ страха втягивались въ ихъ атмосферу и начинали безчинничать и буйствовать.

VI.

Седьмого января возвратился въ скитъ архимандритъ о. Іероѳимъ. Съ пріѣздомъ его такъ хитроумно подготовленный Булатовичемъ бунтъ сталъ приближаться къ концу ускореннымъ темпомъ Вслѣдъ за пріѣздомъ игумена былъ собранъ соборъ. На него пригласили главарей комитета, жившихъ въ скиту. Они на соборѣ держали себя дерзко О. П—ръ даже заявилъ, что соборъ не правоспособенъ судить ихъ, такъ какъ-де на немъ нѣтъ архимандрита Давида. Но послѣдній давно уже выбылъ изъ членовъ Собора Затѣмъ и о. Давидъ былъ приглашенъ на допросъ. Онъ на соборѣ сказалъ, что игуменъ отрекся отъ Бога и что это утвердилъ въ «Открытомъ письмѣ» Булатовичу своимъ подписомъ. Игуменъ на это отвѣтилъ, что онъ въ этомъ письмѣ написалъ, что не признаетъ ученія Булатовича, а не то, что отрекается отъ Господа Іисуса Христа, въ Котораго вѣруетъ и исповѣдуетъ, что Онъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, что имя Его свято, страшно, достопоклоняемо, но что при такомъ благоговѣйномъ отношеніи къ нему—имени Божію—онъ его не обоготворяетъ.

— А я исповѣдую, что имя Іисусъ есть Самъ Богъ съ существомъ и со всѣми Своими свойствами,—сказалъ о Давидъ.

— Когда встрѣтится въ Божественномъ писаніи имя «Іисуса сына Навина или сына Сирахова», тогда какъ вы сочтете?—спросилъ игуменъ Іеронимъ.

— Конечно, тогда не Богъ.

— Что же ты споришь?

Послѣ этого о. Давидъ, выйдя изъ собора, закричалъ: «Братія, бѣгите, нашъ игуменъ масонъ. Онъ передъ всѣмъ соборомъ отрекся отъ Іисуса». Благодаря сѣдинамъ его, многіе изъ братства повѣрили ему и пошли противъ игумена Главные бунтари въ этомъ видѣли успѣхъ и говорили, что положено хорошее начало, и предвѣщали хорошій конецъ

Утромъ, 8-го января былъ собранъ братскій соборъ изъ восьмисотъ человѣкъ старшихъ братій скита Въ числѣ ихъ были имебожники Игуменъ послѣ общей молитвы предложилъ желающимъ выяснить возводимое на него обвиненіе На его слова никто не отвѣтилъ. Видя нерѣшительность братій отвѣчать на вопросъ, игуменъ сказалъ «Отцы святые, говорите, что знаете» Снова гробовое молчаніе. «Если не хотите говорить, то выслушайте меня, какъ я вѣрую». При этомъ онъ началъ изустно исповѣдывать свою вѣру Говорилъ онъ толково, удобопонятно для всѣхъ Исповѣдавъ вѣру въ Святую Живоначальную Троицу, онъ присовокупилъ «Вѣрую и исповѣдую, что имя Божіе есть свято, страшно, достопоклоняемо»

При семъ позволю себѣ обратиться къ разуму безпристрастныхъ читателей При такомъ благоговѣйномъ отношеніи игумена къ имени Божію, спрашивается: могъ ли онъ топтать записки съ начертаніемъ на нихъ имени Божія, или дѣлать что-либо другое, подобное пересказываемому г. Косвинцевымъ со словъ имебожниковъ, враговъ игумена Іеронима? Онъ этого, конечно, не дѣлалъ. Это даже можетъ подтвердиться тѣмъ, что до появленія разбираемой статьи ничего подобнаго на Аѳонѣ не было слышно

Братія, исключая убѣжденныхъ имебожниковъ и личныхъ игуменскихъ враговъ, слыша исповѣданіе вѣры своего игумена, убѣдилась, что на него возведена клевета, и радовалась, что онъ не измѣнилъ православію При этомъ о. Маврикій сказалъ: «Ну, чего намъ еще нужно? Игуменъ православный. Давайте расходиться да попрежнему жить мирно» Казалось, вопросъ былъ уже исчерпанъ, и нѣкоторые готовились къ выходу.

Но вотъ выступилъ членъ Духовнаго Собора, имебожникъ іеромонахъ С—гій, и обратился къ игумену съ такими словами

— Вы, отче, вчерась на соборѣ отреклись отъ Іисуса.

Игуменъ обратился къ сидящимъ тутъ членамъ собора съ вопросомъ

— Скажите, отцы святые, отрекся я на соборѣ отъ Іисуса, или нѣтъ?

— Нѣтъ, не отрекался,—почти въ одинъ голосъ они отвѣтили всѣ.

Обратясь къ о. С—гію, игуменъ обиженно сказалъ:

— Для чего, о. С—гій, вы лжете?

— А вотъ вы въ своемъ «Открытомъ письмѣ» къ о. Антонію назвали почитаніе имени Божія новымъ бѣсословіемъ,—сказалъ о. С—гій.

— Неправда! Я этого не дѣлалъ Хотя въ этомъ письмѣ есть эти слова, но они не мои, а самого о Антонія. Онъ этими словами озаглавилъ свою рукопись

Братія пожелала это выяснить. Достали названныя письма и рукопись, разсмотрѣли и убѣдились, что о. С—гій говоритъ неправду.

Вслѣдъ за этимъ благонамѣренная часть братіи, подобно о. Маврикію стала говорить, что игуменъ правъ и надо разойтись и по старому жить въ мирѣ, но имебожники этого не хотѣли. Они дѣйствовали по ранѣе обдуманному плану. Планъ ихъ самъ собою вскорѣ объяснился. Таные изъ нихъ, надѣвъ на себя личину правосудія, потребовали отъ начальства сейчасъ позвать на соборъ возмутителей скита и наказать по достоинству.

Послали за ними. Ихъ ждать не пришлось. Они стояли въ толпѣ другихъ имебожниковъ у дверей соборнаго зала. Войдя на соборъ, они къ игумену не подошли благословиться. Игуменъ спросилъ ихъ, для чего они возмущаютъ братство. О. П—ръ вмѣсто отвѣта выдвинулъ впередъ послушника Н—ту и приказалъ ему читать какую-то рукопись. Н—та началъ читать. Игуменъ и члены Духовнаго Собора читать ему запретили, сказавъ, что онъ, какъ новоначальный, не приглашенъ на соборъ и голоса на немъ не имѣетъ, а посему и долженъ удалиться. Мятежники во главѣ съ П—мъ потребовали отъ собора разрѣшить Н—тѣ читать. Между сторонами начался споръ. Въ это время, пользуясь не запертыми дверями соборнаго зала, ворвалась на соборъ толпа имебожниковъ. Безъ скандала удалить ихъ было невозможно, а посему и не стали ихъ безпокоить. Благодаря дерзости мятежниковъ, споръ кончился тѣмъ, что Н—та началъ читать.

Въ рукописи была клевета на меня и отчасти на о. игумена. Мы стали возражать, но главари-имебожники, поддерживаемые сейчасъ вошедшей толпой своихъ единомышленниковъ, подняли шумъ, приказывая намъ замолчать. Видя ихъ наглость и зная, что они на большее способны, мы замолчали.

Какъ только Н—та замолкъ, мы снова пытались оправдаться, но расхрабрившіеся имебожники снова требовали, чтобы мы продолжали молчать, и обѣщали намъ дать оправдаться, когда прочтетъ другую рукопись о. П—ръ. Во избѣжаніе скандала, мы замолчали. О. П—ръ началъ читать. Онъ обвинялъ игумена въ томъ, что онъ не называетъ имя Іисусъ Богомъ, что будто въ выше приведенномъ «Открытомъ письмѣ» отрекся отъ почитанія имени Божія, что распространялъ вышеприведенную патріаршую грамоту и увѣщавалъ братію подчиниться ей и что приказалъ уничтожить спорную книгу «На горахъ Кавказа», и попутно съ этимъ обвинялъ и меня за распространеніе и толкованіе названной грамоты и за то, что имѣю знакомство съ пустынникомъ о. Ѳеофаномъ и другими, причемъ называлъ ихъ богохульниками.

Конечно, эти обвиненія смысла не имѣли, и оправдываться въ нихъ, исключая клеветы по поводу «Открытаго письма», не было нужды. Тотчасъ по окончаніи чтенія П—ра начался шумъ. Главари бунта подступили къ игумену, требуя отъ него отреченія отъ власти. Онъ на это сказалъ:

— Я за игуменскій жезлъ не держусь и оставлю его, если я виноватъ, но напрасно вы меня обвиняете въ ереси. Вотъ и патріаршая грамота говоритъ въ мое оправданіе.

— Мы ея не признаемъ!—закричали главари.

— Если ея не признаете, то изберите изъ своей среды депутатовъ и пошлите въ Россію, въ Святѣйшій Синодъ съ просьбой разрѣшить спорный вопросъ. И какъ онъ его разрѣшитъ, того и будемъ держаться.

Они закричали:

— Мы и Синода не послушаемся!

— А кого же будете слушаться?

— Мы дѣло имѣемъ со Святыми Отцами. Ты отсюда долженъ уйти, а мы будемъ избирать новаго игумена.

— Этого не можетъ быть! Пусть разберетъ наше дѣло ватопедское начальство [1])

Они настаивали приступить къ выборамъ новаго игумена сію же минуту; но и члены Духовнаго Собора воспротивились имъ и рѣшили послать изъ своей среды двухъ членовъ въ Ватопедъ, пригласить проэстосовъ (членовъ собора) для умиротворенія скита. Послѣ этого игуменъ и прочее начальство ушли изъ собора. Мятежники еще долго шумѣли и оставили соборное зало только тогда, когда трапезарь ударилъ въ колоколъ, созывая братію въ трапезу на обѣдъ.

Въ обители всѣ были возбуждены. Имебожники говорили не бывшимъ на соборѣ, что игуменъ и Климентъ не могли оправдаться.

Утромъ 9-го января пришелъ въ скитъ, вопреки своей росписки, о. А. Булатовичъ и, не бывъ у игумена, самочинно собралъ имебожниковъ и составилъ изъ нихъ «бунтовщическій соборъ». Соборъ засѣдалъ въ одной изъ палатъ старой (бывшей) больницы [2]). На немъ предсѣдательствовалъ и былъ душею его самъ Булатовичъ. Архимандритъ Давидъ былъ въ соборѣ его главный помощникъ и опора. На соборѣ обсуждалось, какъ дѣйствовать, чтобы низложить игумена Іеронима и избрать на мѣсто его новаго, давно уже предызбраннаго въ комитетѣ архимандрита Давида.

Въ это время пріѣхали въ скитъ ватопедскіе проэстосы. Ихъ было четверо. Одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Германъ, воспитанникъ Одесской Духовной Семинаріи. Какъ только они въѣхали въ скитъ, то имебожники заперли всѣ порты (ворота) и калитки скита, ключи отъ которыхъ взяли себѣ, и никого въ скитъ не пускали. Изъ скита разрѣшалось выходить только имебожникамъ, и то самымъ испытаннымъ, а намъ, противникамъ новаго догмата, и близко къ портѣ подходить возбранялось. На всѣхъ выходящихъ наружу балконахъ, исключая одного, близъ коего помѣщались проэстосы, поста-

---

[1]) Надъ скитомъ начальствуетъ греческій монастырь Ватопедъ.

[2]) Больница переведена въ другой корпусъ.

вили сторожей. Послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность за нами слѣдить, чтобы мы не проникли наружу и ни чего-нибудь не спустили изъ оконъ скита. Внутреннюю ризницу и одну изъ церквей, въ которой находилась генеральная касса, вмѣщавшая въ себѣ деньги, документы скита и печать, мятежники заперли и, приставивъ къ нимъ часовыхъ, ключи взяли себѣ.

Видя все это ватопедские проэстосы удивлялись, пожимали плечами, но принять противъ этого мѣръ не рѣшались. Затѣмъ пригласили къ себѣ архимандрита игумена Іеронима и просили его указать причину возмущения въ братствѣ. Онъ сказалъ, что его (игумена) нѣкоторые отцы подозрѣваютъ въ ереси и требуютъ, чтобы онъ оставилъ игуменскій постъ. Проэстосы потребовали отъ него исповѣдания вѣры. Онъ исповѣдалъ. Они признали его такимъ же православнымъ, каковы они сами.

Вслѣдъ за симъ пригласили архимандрита Давида, какъ старѣйшаго изъ сподвижниковъ о. Булатовича. О. Давида они просили указать причину недовольства братии игуменомъ Іеронимомъ. О. Давидъ сталъ обвинять игумена въ ереси. Они просили объяснить, въ чемъ состоитъ его ересь. Онъ сказалъ, что игуменъ не признаетъ имени Божія Іисусъ Богомъ. Они потребовали отъ о. Давида исповѣдания вѣры. Онъ исповѣдалъ согласно ученія книги «На горахъ Кавказа». Тогда проэстосы объявили ему, что они допрашивали игумена Іеронима и, выслушавъ отъ него исповѣданіе вѣры, признаютъ его вполнѣ православнымъ, а его самого (о. Давида) не могутъ признать таковымъ и считаютъ мудрствующимъ неправославно, причемъ убѣждали раскаяться и убѣдить братій, принявшихъ это новое ученіе, отстать отъ него и считать игумена Іеронима православнымъ и жить по-прежнему въ мирѣ и согласіи. О. Давидъ не согласился и ушелъ на не разошедшійся еще бунтовщическій соборъ.

Вскорѣ послѣ сего, по распоряженію этого собора, нѣсколько разъ ударили въ колоколъ. Это было сигналомъ, призывающимъ братство въ соборный храмъ выбирать новаго игумена. Большая толпа двинулась изъ бунтовщическаго собора къ соборному храму, причемъ часть отъ нея отдѣлилась и разбѣжалась по келліямъ собирать братство для выбора новаго игумена.

Соборъ наполнился братствомъ. Мятежники во главѣ съ Булатовичемъ приступили къ выбору игумена и немедленно на голосахъ избрали архимандрита Давида, отнюдь не считаясь съ уставомъ и обычаемъ скита, по коимъ, во-первыхъ, должна быть выставлена на низложеніе игумена благословная причина, каковой, какъ видимъ, не оказалось, во-вторыхъ, выборъ долженъ производиться закрытою баллотировкой изъ трехъ-четырехъ кандидатовъ. При выборѣ первые подали голосъ за архимандрита Давида члены комитета, причемъ въ голосѣ ихъ слышалась повелительная нотка, требующая

подавать голоса за избранника ихъ, а посему возраженіямъ здѣсь по было мѣста Клевреты Булатовича пашептывали всѣмъ, что непремѣнно надобно избрать архимандрита Давида Большинство, приспособляясь къ обстоятельствамъ, съ болью сердца съ ними согласилось, а часть безмолвно украдкой удалилась изъ собора.

Итакъ, «единодушно и единогласно» о. Давидъ былъ избранъ въ игумена скита Оставалось соблюсти необходимую формальность, выборъ закрѣпить подписями братства и утвердить властью Ватопеда.

Выборщики отправили депутацію къ проэстосамъ просить ихъ прійти на «соборъ» и разрѣшить произвести выборъ дикея (правителя, игумена скита) Проэстосы отвѣтили, что они присланы изъ Ватопеда не для избранія новаго дикея, а для водворенія въ скиту порядка Долго депутація упрашивала ихъ сизойти на ихъ просьбу, но они отказали, объявивъ, что обвиненіе игумена въ ереси несправедливое, незаконное, и не дастъ права на низложеніе его, ибо онъ православный Депутація возвратилась въ соборъ безъ проэстосовъ и безъ разрѣшенія произвести выборъ. По долгомъ совѣщаніи, члены комитета отмѣнили возводимое на игумена обвиненіе въ ереси и замѣнили обвиненіемъ, что все братство потеряло довѣріе къ нему, и послали къ проэстосамъ вторую депутацію Но и эта депутація не имѣла успѣха Тогда они отобрали подписи у братства и вновь послали къ проэстосамъ депутацію. Послѣ усиленной просьбы послѣдняя депутація добилась отъ проэстосовъ слова побывать въ слѣдующій день у нихъ на соборѣ и посмотрѣть, что дѣлается тамъ. Соборъ разошелся

Утромъ 10-го января мятежники снова ударили въ колоколъ, созывая братство въ соборъ. Агенты Булатовича снова побѣжали по келліямъ привлекать братію въ соборъ.

Когда соборъ наполнился братствомъ, главари объявили, что вчерашній протоколъ, наскоро подписанный, испачканъ, а посему надобно переписать его набѣло и снова подписать

Въ это время пришелъ одинъ изъ проэстосовъ, пробылъ въ соборѣ минутъ пять, посмотрѣлъ и ушелъ.

Мятежники придали своему избранію игумена законный характеръ.

Когда приступили къ подписи переписаннаго протокола, нѣкоторые изъ братства не хотѣли снова подписаться и требовали вычеркнуть изъ чернового протокола свои подписи, но добились этого съ трудомъ, заявивъ, что будутъ жаловаться проэстосамъ Ватопеда.

По словамъ имебожниковъ, подписей собралось 302—вполнѣ достаточное количество для избранія игумена Имебожники торжествовали и поздравляли другъ друга съ новымъ игуменомъ, а новоизбраннаго съ новымъ послушаніемъ.

Выйдя изъ собора, нѣкоторые главари-имебожники, невоздержные на языкъ, разгласили строго ими хранимый доселѣ секретъ, что

Давидъ избранъ на короткое время, только до тѣхъ поръ, когда все успокоится, а потомъ изберутъ изъ двухъ одного или самого Булатовича, или монаха Н—ра, библіотекаря

По избраніи Давида Булатовичъ сталъ чувствовать себя почти побѣдителемъ и, окруженный вѣрными себѣ агитаторами, самъ предсталъ предъ проэстосовъ и, опираясь на многочисленныя подписи протокола, сталъ требовать отъ нихъ утвердить Давида въ званіи діакея скита, но успѣха не имѣлъ

Съ тою же просьбой явилась къ проэстосамъ вторая депутація. Проэстосы, видя, что она крайне возбуждена и держитъ себя вызывающе, посовѣтовали ей обратиться въ Духовный Соборъ въ самый монастырь Ватопедъ

Вскорѣ послѣ этого игуменъ Іероѳимъ, іеромонахъ Софроній и я пришли къ проэстосамъ просить принять рѣшительныя мѣры къ водворенію въ скиту порядка. Проэстосы просили насъ потерпѣть, такъ какъ-де, при такомъ возбужденіи мятежниковъ и запертой портѣ, они ничего не могутъ сдѣлать При этомъ игуменъ взволновался до слезъ и ушелъ, предоставивъ намъ однимъ продолжать просьбу. Проэстосы предложили намъ подать жалобу имъ на возмутителей скита, причемъ велѣли указать, чѣмъ они взволновали братство.

Мы просили ихъ объявить братству, что они признаютъ игумена Іероѳима православнымъ, а архимандрита Давида и его сторонниковъ не признаютъ таковыми, и увѣщать братство оставить всякіе споры и жить мирно Они обѣщали это изложить на бумагѣ у себя въ монастырѣ и прислать ее въ скитъ мятежному братству, а игумену копію съ нея

Жалобу мы изготовили ночью, а утромъ стали собираться въ канцелярію для подписи ея

Мятежники, все время зорко слѣдившіе за нами, узнали, что будетъ нами подписываться какая-то бумага, приставили къ входу канцеляріи своихъ караульныхъ и никому не позволяли входить къ намъ Они, вѣроятно, сдѣлали бы больше, если бы присутствіе проэстовъ вблизи канцеляріи не возбраняло имъ принять противъ насъ болѣе рѣшительныя мѣры.

При семъ еще разъ позволяю себѣ обратиться съ вопросомъ къ правдолюбивымъ читателямъ: могъ ли игуменъ Іероѳимъ, при такомъ стѣсненномъ положеніи, когда всюду слѣдили за нами имебожники и скитъ кругомъ былъ на замкахъ и со всѣхъ сторонъ охраняемъ имебожниками, запаковать все находящееся въ его келліѣ, какъ говоритъ въ своей статьѣ г. Косвищевъ, и спустить за окна, которыя выходятъ не наружу, а во дворъ скита, гдѣ постоянно находились имебожники? Игуменъ ничего подобнаго не сдѣлалъ.

Бумагу пришлось подписать очень немногимъ. Съ большой предосторожностью я отнесъ ее проэстосамъ.

У нихъ была имебожническая депутація во главѣ съ Булатовичемъ и снова пристала утвердить о. Давида въ званіи діакона.

Незамѣтно для депутаціи я передалъ бумагу проэстосу о. Герману. Онъ тотчасъ скрылъ ее отъ любопытныхъ глазъ.

Булатовичъ, увидѣвъ меня и пришедшихъ со мною, закричалъ: «Зачѣмъ они здѣсь?! Зачѣмъ они сюда пришли?..» Ему кто-то замѣтилъ, что онъ, какъ добровольно вышедшій изъ скита и давшій о семъ скиту собственноручную роспись, не имѣетъ права вмѣшиваться въ скитскія дѣла. Онъ закричалъ: «Гдѣ расписка? Дайте расписку!» Но росписки, конечно, ему не дали.

Послѣ обѣда проэстосы изъ скита уѣхали.

VII.

Мятежники спѣшили ѣхать въ Ватопедъ просить старцевъ утвердить протоколъ на избраніе въ игумена о. Давида.

Чтобы придать законный видъ этому избранію, требовалось приложить къ протоколу скитскую печать, хранившуюся въ кассѣ, отъ которой одинъ изъ ключей былъ у игумена о. Іеронима. По строго исполняемому уставу скита, касса имѣетъ нѣсколько разновидныхъ замковъ, всегда отпирается и запирается въ присутствіи всѣхъ, такъ называемыхъ, ключеносцевъ (§§ 12 и 13 уст.), въ числѣ коихъ всегда состоитъ и игуменъ.

Здѣсь надобно замѣтить, что г. Косвинцевъ ошибочно говоритъ: «При игуменѣ Іеронимѣ было такъ, что онъ былъ полнымъ хозяиномъ всѣхъ монастырскихъ богатствъ. Кромѣ него, никто не имѣлъ права заглядывать въ кассу. При новомъ игуменѣ соборъ старцевъ постановилъ имѣть четыре ключа: одинъ ключъ долженъ находиться у игумена, а остальные у трехъ монаховъ изъ числа старшей братіи. Отворяться касса могла только въ присутствіи всѣхъ четырехъ обладателей ключей. Это гарантировало монастырскимъ милліонамъ полную сохранность». Въ дѣйствительности же постановленіе о храненіи ключей пятью, а не четырьмя ключеносцами, и отпираніе и запираніе кассы въ присутствіи всѣхъ пятерыхъ было учреждено не по избраніи въ игумена архимандрита Давида, но много ранѣе, а именно въ 1879 году. Милліоновъ же никакихъ въ кассѣ скита никогда не хранилось.

Мятежники многочисленной толпой пришли къ игумену и потребовали отъ него означенный ключъ. Игуменъ, опираясь на поддержку вѣрной себѣ братіи, не взирая на угрозы имебожниковъ, ключа не далъ.

Мятежники послали въ Ватопедъ депутацію изъ четырехъ человѣкъ. Во главѣ депутаціи стоялъ о. Булатовичъ.

Депутація долго умоляла въ Ватопедѣ Духовный Соборъ утвер-

дить архимандрита Давида въ званіи дикея, но вмѣсто сего получила только бумагу: слѣдующующаго содержанія:

«1913 г., янв. 12 дня. № 14.

«Ко всему братству нашего скита Серай (Андреевскій скитъ).

«Такъ какъ избраніе новаго дикея совершилось не по уставамъ и обычаямъ скита, а произошло такимъ образомъ, какой нигдѣ въ мірѣ не употребляется, ибо образъ этотъ всѣми считается насильственнымъ, то поэтому священный нашъ монастырь, желая, чтобы сохранились не поврежденными уставы и обычаи скита, и чтобы избраніе это не имѣло для священнаго скита худыхъ послѣдствій, отвергаетъ означенное избраніе и убѣждаетъ всѣхъ братій скита произвести законное избраніе, предложивъ четырехъ кандидатовъ, какъ практиковалось доселѣ, имѣя въ виду, что нашъ священный монастырь отнюдь не допуститъ новшествъ въ скитѣ.

«Обращаемся же ко всѣмъ вамъ съ увѣщаніемъ считать архимандрита Іеронима православнымъ, потому что онъ православный такъ же, какъ и мы. Будьте увѣрены, что тѣ изъ васъ, которые приняли новую вѣру, какой учитъ книга: «На горахъ Кавказа», и вѣрнымъ послѣдователемъ и учителемъ которой явился вашъ собратъ іеромонахъ Антоній, всѣ будутъ осуждены, какъ еретики, и отлучены отъ Великой Церкви Христовой и, какъ отлученные, будутъ впредь лишены права жить на Святой горѣ.

«Преподаемъ вамъ совѣтъ, какъ отцы ваши, изгоните изъ скита новую эту ересь, іеромонаха Антонія Булатовича, и примите братскую любовь въ законномъ избраніи дикея. Мы же, по долгу отцовъ, молимся, дабы Святой Богъ просвѣтилъ васъ въ правой вѣрѣ въ Него и даровалъ каждому изъ васъ братскую любовь и Свой миръ.

«Пребываемъ молитвенники во Христѣ епитропы и прочіе начальствующіе священнаго и досточтимаго монастыря Ватопеда».

Копію грамоты проэстосы вручили полицейскому чиновнику для передачи игумену Іерониму. Чиновникъ, желая лично передать копію по принадлежности, подошелъ къ портѣ скита, но толпа имебожниковъ въ скитъ его не пустила. Онъ былъ нами замѣченъ изъ оконъ. Мы въ числѣ человѣкъ десяти вышли на балконъ, желая узнать цѣль прихода его. Онъ намъ объявилъ, что имѣетъ игумену передать присланный изъ Ватопеда пакетъ, но такъ какъ его въ скитъ не пускаютъ, то онъ долженъ съ нимъ возвратиться назадъ. Мы спросили, не знаетъ ли онъ содержанія бумаги, находящейся въ пакетѣ. Онъ во всеуслышаніе громогласно сообщилъ содержаніе бумаги. Изъ имебожниковъ поняли чиновника только двое главарей, такъ какъ онъ говорилъ по-гречески.

Но вотъ въ толпѣ имебожниковъ раздался радостный крикъ: «Ѣдутъ! ѣдутъ!» Было понятно, что изъ Ватопеда возвращалась ихъ депутація.

Это было въ два часа дня. Насъ, человѣкъ сорокъ, сидѣло въ игуменскомъ залѣ. Я находился рядомъ съ игуменомъ по лѣвую руку.

Депутація во главѣ съ Булатовичемъ вошла въ скитъ. Булатовичъ сказалъ встрѣтившей его молодежи: «Ватопедскіе старцы приказали скитъ отъ «соуры» (сора) очистить. Молодежь, она же и «боевая дружина», торжествовала. Сопровождаемый дружиной, Булатовичъ прослѣдовалъ къ намъ въ зало, смѣло подошелъ къ столу, за которымъ находился игуменъ, и, не давъ намъ обычнаго привѣта, повернулся къ игумену задомъ. Одѣтъ онъ былъ въ монашескую форму съ прибавкой къ ней козырька [1]) надъ глазами. Повернувшись къ двери, онъ прокричалъ.

— Наши! Наши! Идите сюда!

Эти «наши», т.-е. боевая дружина, гуськомъ потянулась къ нему и переполнила зало. Вошло приблизительно человѣкъ пятьдесятъ. Булатовичъ обратился къ игумену и дерзко спросилъ:

— Вы добровольно сдадите свое игуменство?

— А развѣ у васъ есть на это бумага?—сдержанно отвѣтилъ игуменъ.

Булатовичъ молчалъ.

Надо замѣтить, что г. Косвинцевъ ошибочно написалъ, что о. Булатовичъ прочиталъ въ игуменскихъ покояхъ бумагу Ватопедскаго собора, признававшую законной смѣну игумена и избраніе новаго. Булатовичъ бумаги не могъ прочитать, такъ какъ она его и его сторонниковъ осуждаетъ за ересь и неправильность избранія игумена.

Игуменъ сказалъ:

— О. Антоній, ты чужой человѣкъ, что тебѣ здѣсь нужно? Иди въ свое мѣсто.

Дружина Булатовича закричала:

— Нашъ! Нашъ! Онъ нашъ!

Булатовичъ, глядя на игумена, съ возрастающей дерзостью крикнулъ:

— Ты сдаешь игуменство?! Уходишь отсюда добровольно?!

Игуменъ на это ничего не сказалъ. Булатовичъ обернулся къ дверямъ и, крестясь, произнесъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа

И мы всѣ перекрестились. Я ожидалъ, что онъ будетъ держать какую-нибудь рѣчь, или скажетъ поученіе. Но передъ нами предстала страшная картина: Булатовичъ опять повернулся къ игумену и, бросаясь на столъ, нараспѣвъ прокричалъ:

— У-у-р-р-а-а! Бе-ри-и-те! [2])

Это было условнымъ сигналомъ. Началось избіеніе непокорныхъ Булатовичу. Ожесточеніе имебожниковъ не знало предѣловъ. Къ

---

[1]) Онъ его носитъ вслѣдствіе болѣзни глазъ.

[2]) 19 ноября 1914 г. Булатовичъ заявилъ у насъ на петроградскомъ подворьѣ, что это кричаніе составляетъ ему честь.

счастью, въ залѣ нечѣмъ было имъ вооружиться и, благодаря этому и пассивности съ нашей стороны, не было убитыхъ. Били кулаками, сбитыхъ съ ногъ топтали, влачили за волосы и избитыхъ выкидывали за дверь. За ней въ коридорѣ, на обширной площадкѣ продолжала ихъ избивать озвѣрѣвшая молодежь имебожниковъ. Этой кровавой картины мнѣ никогда не забыть. Особенно мнѣ врѣзалось въ память избіеніе іеромонаха Меркурія. Озвѣрѣлые бойцы били его болѣе по головѣ, по рукамъ, и нѣсколько разъ сбивали съ ногъ и, когда ему удавалось встать, опять и опять били по чему попадало, несмотря на то, что онъ былъ окровавленъ.

Все его вооруженіе и защита были крестное знаменіе и молитва Іисусова, которыя онъ повторялъ во множествѣ разъ.

Монахъ Николай (пѣвчій) въ ужасѣ разбилъ окно и подъ удары кулаковъ силился выскочить вонъ, не обращая вниманія на то, что подъ окномъ каменный полъ, о который можно на смерть разбиться.

Къ намъ съ игуменомъ, стоявшимъ за столомъ, какъ будто за крѣпостью, образовался доступъ. Ко мнѣ подскочилъ атлетъ м. П—ій и, схвативъ за рукавъ, дернулъ, крича: «Климента берите! Онъ главный защитникъ!» Но, благодаря братіи, тѣсно окружавшей насъ, я устоялъ, въ противномъ случаѣ пришлось бы мнѣ поплатиться черепомъ, ударясь о каменную стѣну. Стоя на мѣстѣ, я со скорбью наблюдалъ, какъ имебожники избивали православныхъ, и лишь тѣмъ утѣшался, что съ нашей стороны никто не поднималъ рукъ въ защиту себя. Это само собою говорило, что дѣло наше правое.

Одна половина зала опустѣла, въ другой расправа продолжалась. Одинъ изъ ярыхъ главарей имебожниковъ, монахъ М—ко, схватилъ игумена за руку и, стоялъ молча, очевидно, ждалъ, чтобы ему пришли на помощь другіе, дабы вывести игумена не битымъ. Предполагая, что, по уводѣ игумена изъ зала, бойня въ немъ прекратится, я тихо сообщилъ игумену свое предположеніе. Онъ съ нимъ согласился и, поддерживаемый за одну руку мною и главаремъ-имебожникомъ за другую, вышелъ на площадку, помянутую выше, ведущую къ Андреевской церкви. Здѣсь разъяренная толпа имебожниковъ ждала себѣ жертвъ. На насъ накинулись озвѣрѣвшіе бойцы. Игумена, однакожъ, вывели небитымъ по направленію къ Андреевской церкви, а меня потащили къ черному ходу и, сбивъ съ ногъ, стали бить безъ милосердія. Я думалъ, что настали мои послѣднія минуты. Но Булатовичъ скомандовалъ: «Довольно! Довольно! Убьете! Убьете!» И избіеніе меня прекратилось.

Волокомъ подтащили меня къ лѣстницѣ параднаго крыльца и снова начали бить. Булатовичъ опять закричалъ: «Убьете! Довольно! Довольно!»

Я всталъ, меня бойцы крѣпко держали за руки, не зная, что далѣе дѣлать. Я сказалъ: «Пустите меня, я уйду». Они меня повели по лѣстницѣ внизъ. На ходу я замѣтилъ, что подъ лѣвую руку поддерживаетъ меня монахъ С—ой. Онъ незадолго передъ этимъ просилъ меня научить его грамматикѣ и катехизису, но, услышавъ отъ меня, что ему ранѣе полгода трудно усвоить эти предметы, убоялся трудовъ и учиться не сталъ. Теперь лицо его было страшно искажено и дышало злобой. Я въ ужасѣ отъ него отвернулся.

Но вотъ мы спустились съ лѣстницы и очутились на площадкѣ соборнаго храма, гдѣ находилась толпа имебожниковъ и любопытныхъ. О. П—ръ, библіотекарь, выступилъ важно впередъ, приблизился къ намъ и, взявъ меня за рукавъ, пробасилъ: «Стой!» Конвой, сопровождавшій меня, остановился. О. П—ръ, глядя на кровь, сочившуюся у меня изъ-подъ подбитаго глаза, снова пробасилъ: «Да это онъ самъ себѣ сбилъ». Затѣмъ растеръ кровь на моей щекѣ большимъ пальцемъ правой руки и властно сказалъ: «Ведите его за порту». Нашъ кортежъ двинулся въ путь.

На насъ смотрѣли богомольцы и въ ужасѣ не могли надивиться, что творилось на Св. Аѳонской горѣ, въ родномъ русскомъ скиту, въ который они издавна стремились прибыть и на время забыть въ его тишинѣ бурю житейскихъ волненій.

Въ св. портѣ по моему адресу раздавались такія слова, какихъ болѣе слышать я не желаю. Портой завѣдывалъ обладающій богатырской физической силой монахъ Ко—нъ. Я хотѣлъ ему что-то сказать, но онъ, не желая со мной говорить, вытолкнулъ меня за калитку. Я очутился за портой, во внѣшнемъ дворѣ и пошелъ къ другой рѣшетчатой портѣ, желая уйти на Карею. У порты стоялъ вооруженный сардаръ [1]) и караулилъ ее, несмотря на то, что она была подъ замкомъ. Я попросилъ его выпустить меня, но онъ мнѣ отказалъ. Въ это время въ св. портѣ открылась калитка. Булатовичъ провелъ черезъ нее игумена о. Іеронима. Я направился къ нимъ и услышалъ обращенныя къ игумену слова Булатовича: «Мы тебя потомъ обезпечимъ». Увидѣвъ меня, Булатовичъ сказалъ: «А ваши вещи потомъ выдадимъ». Съ этими словами онъ повернулся къ скиту и проскочилъ въ него чрезъ ту же калитку, черезъ которую выкинули насъ.

Мы съ игуменомъ пошли къ рѣшетчатой портѣ. Она уже оказалась открытой. Миновавъ ее, мы очутились на чужой территоріи. Съ этой поры началась наша скитальческая жизнь.

И невыносимо тяжело было бы намъ и прочимъ изгнанникамъ безъ теплой одежды, безъ денегъ и насущнаго хлѣба въ эту зимнюю пору, если бы сердобольные старцы нѣкоторыхъ келій и въ осо-

[1]) Вольнонаемный полицейскій

бенности Троицкой, что на Кареѣ, о. Нифонтъ, не пріютили насъ, коимъ вѣчная отъ насъ благодарность.

Имебожники, расправясь съ нами въ игуменскомъ залѣ, снарядили летучіи отрядъ. Онъ подъ командой члена Духовнаго Собора, вышеупомянутаго м. Ѳ—та, двинулся разыскивать ускользнувшія жертвы, причемъ многихъ избилъ и разграбилъ ихъ келліи.

Всѣхъ избитыхъ имебожниками было до пятидесяти человѣкъ. За портой изъ нихъ оказалось восемнадцать, но ихъ было бы больше, если бы нарядъ полиціи запоздалъ къ скиту подойти. Оставшіеся въ скиту православные потомъ завидовали нашей хотя и горькой свободѣ.

Болѣе полныя и подробныя свѣдѣнія объ избіеніи православныхъ Булатовичемъ и дружиной его читатели «Историческаго Вѣстника» знаютъ изъ дневника [1]) имебожника о. Протопова.

Мятежники, учинивъ съ нами расправу, тотчасъ служили въ соборѣ благодарственный молебенъ.

Пришедшую полицію для водворенія въ скиту порядка имебожники въ скитъ не пустили. Она ограничилась тѣмъ, что приставила къ запертой портѣ своихъ часовыхъ.

Въ слѣдующій день, 13-го января, Булатовичъ служилъ литургію.

Такъ имебожники торжествовали свою кровавую побѣду, мня что окровавивъ свои кулаки о незащищавшихся братій и выкинувъ ихъ на морозъ безъ теплой одежды и средствъ къ продолженію жизни, сотворили службу угодную Господу Богу.

VIII.

Около скита продолжали стоять часовые солдаты. Входъ въ скитъ постороннимъ, особенно полицейскимъ чинамъ и членамъ Протата [2]), мятежники строго возбраняли. Строго это соблюдая, портой завѣдывать сталъ самъ о. П—ръ-библіотекарь.

Мятежники, разграбивъ игуменскую келлію, завладѣли между прочимъ и ключомъ, за который 11-го января было пререканіе и споръ. Теперь, имѣя всѣ ключи отъ генеральной кассы, они изъ нея достали печать и приложили къ протоколу на избраніе въ игумена Давида и стали считать его вполнѣ дѣйствительнымъ.

Они снова предстали предъ проэстосами Ватопедскаго Собора съ протоколомъ и, указывая на печать, какъ на скрѣпленіе дѣйствительности братскихъ подписей, требовали отъ Собора скрѣпить означенный документъ и подписями проэстосовъ, и печатью ихъ

---

[1]) Сообщенія въ дневникѣ объ отобранныхъ деньгахъ, за исключеніемъ отобранныхъ у двоихъ (у іером Софронія отобраны деньги, оставшіяся отъ поѣздки съ игуменомъ на метохъ)—ложь. Въ дневникѣ мое сновидѣніе разсказано не вѣрно.

[2]) Протатъ или Киноть—совѣтъ представителей всѣхъ аѳонскихъ монастырей, представляющій собою высшее управленіе и высшее судилище надъ Аѳономъ.

монастыря, но Соборъ ватопедскихъ старцевъ по-прежнему его не утвердилъ, но лишь далъ обѣщаніе прислать представителя въ скитъ для водворенія о. Давида въ игуменскую форму и тѣмъ, будто бы, признать его избраніе законнымъ.

Этимъ соборъ старцевъ, по его личному признанію, сдѣлалъ искусный маневръ, ожидая изъ Солуня русскаго начальства въ скитъ, и тѣмъ выигрывалъ время до пріѣзда его, боясь, чтобы въ случаѣ полнаго отказа не произошло въ скиту новыхъ и бо̀льшихъ безпорядковъ.

Мятежники 16-го января потребовали отъ членовъ Духовнаго Собора скита подписать «докладную записку». Въ ней говорилось, что братство скита, по причинамъ духовнаго свойства, нашло необходимымъ смѣнить настоятеля Іеронима, что на мѣсто его избранъ 13-го января архимандритъ Давидъ, что на собраніи 10-го января братствомъ принято исповѣданіе, по которому имя Господа Іисуса Христа есть Самъ Богъ, что отнынѣ всякія догматическія пререканія и горячіе споры въ обители прекращены и братство пребываетъ въ совершенномъ мирѣ и духовномъ единеніи и что все это удостовѣряется подписью старцевъ (членовъ Собора) и печатью скита.

Эта «докладная записка» въ подлинникѣ и копіяхъ была разослана по начальству.

Отобравъ подписи отъ членовъ Духовнаго Собора, мятежники низложили ихъ и приступили къ избранію новыхъ членовъ этого Собора.

Въ составъ его вошло большинство болѣе другихъ потрудившихся въ бунтѣ. Между ними оказались и такіе, кои раньше судились Соборомъ за неприличныя дѣянія и буйства и были причислены къ неблагонадежнымъ.

Ватопедское начальство, не желая быть отвѣтственнымъ за дальнѣйшіе безпорядки скита, теперь передало Протату власть свою надъ скитомъ впредь до умиротворенія его.

Въ первый день, по изгнаніи насъ изъ скита, полиція на Карей допросила насъ подъ присягой о происшедшемъ въ скиту. Врачъ освидѣтельствовалъ насъ и выдалъ документы о поврежденіяхъ, намъ причиненныхъ. Послѣ этого, спустя два дня, игуменъ отправилъ меня, еще не оправившагося отъ побоевъ, съ краткимъ докладомъ въ Россійское Консульство въ Солуни. Въ Консульствѣ ужаснулись, увидѣвъ мое лицо, обезображенное отъ побоевъ. Консулъ, не удовлетворясь краткимъ игуменскимъ докладомъ, приказалъ секретарю писать съ моихъ словъ полный докладъ. Докладъ писался до полуночи, но не былъ оконченъ. Утромъ я самъ его докончилъ.

На первомъ отходящемъ пароходѣ на Аѳонъ поѣхалъ изъ Консульства къ намъ въ скитъ чиновникъ В. С. Щербина. Вмѣстѣ съ

нимъ я возвращался на Аѳонъ. Поздно вечеромъ, 20-го января нашъ пароходъ причалилъ къ Аѳону. Мы водворились на ночлегъ въ Пантелеимоновскій монастырь.

Здѣсь я узналъ, что мятежники этого монастыря были въ соглашеніи съ мятежниками нашего скита одновременно съ ними учинить расправу съ начальствомъ въ своемъ монастырѣ, и, напряженно слѣдя во время бунта за дѣйствіями ихъ, по возможности, помогали имъ. Но расправы въ это время по какой-то непредвидѣнной случайности имъ не пришлось учинить, и они отложили ее до ближайшаго болѣе для нихъ удобнаго дня.

На слѣдующій день у нихъ былъ назначенъ «великій братскій соборъ», на коемъ предназначалось судить за «ересь» игумена Мисаила и ближайшихъ сторонниковъ его.

На соборъ былъ приглашенъ и В. С. Щербина. Мятежники, по обыкновенію, держали себя на соборѣ вызывающе и наговорили г. Щербинѣ много дерзостей. Но присутствіе его не позволило имъ расправиться съ непокорнымъ игуменомъ Мисаиломъ и другими своими противниками.

Часа въ два пополудни В. С. Щербина прибылъ въ Карею, видѣлся съ изгнаннымъ игуменомъ о. Іеронимомъ и, вкратцѣ разспросивъ его о печальномъ происшествіи, отправился въ скитъ.

Но въ скиту ему не только было нельзя что-нибудь сдѣлать для умиротворенія его, но даже не было возможности о чемъ-нибудь съ имебожниками и толкомъ переговорить. Его тѣснымъ кольцомъ окружала толпа имебожниковъ во главѣ съ Булатовичемъ, на груди котораго для эффекта красовались ордена, заслуженные имъ до постриженія въ монашество. Толпа умышленно держала г. Щербину въ почтенномъ отдаленіи отъ прочаго братства, запуганнаго ею и смиренно сидѣвшаго въ келліяхъ. Толпа до того была возбуждена и такъ держала себя дерзко, что г. Щербинѣ приходилось подумать о самозащитѣ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ никого не было, кромѣ каваса.

«Былъ моментъ,—говорилъ г. Щербина:—что мятежники были готовы броситься на меня. Настолько возбужденныхъ людей я нигдѣ не видалъ. Но вотъ еще разъ побываю у нихъ, быть можетъ, и одумаются. Впрочемъ, изъ предыдущаго вижу, что толку не будетъ. А о возвратѣ изгнанниковъ въ скитъ они даже и слушать не хотятъ».

Во второе посѣщеніе г. Щербиной скита, хотя имебожники по-прежнему держали себя дерзко, но добровольно пошли на уступки: игумену обѣщали во обезпеченіе дать пять тысячъ рублей, нѣкоторымъ, исключая меня и о. Меркурія, по сто рублей, а нѣкоторыхъ обѣщали, по истеченіи года, принять обратно въ скитъ, если въ теченіе этого времени они одумаются и признаютъ

новый догматъ православнымъ. Все это они категорически заявили, какъ послѣднее слово. На сей разъ пришлось г. Щербинѣ въ скиту случайно увидѣть двухъ отцовъ съ нашей стороны. Они усердно просили его вывести ихъ изъ скита. Это онъ сдѣлалъ. Этимъ и кончилась его миссія.

Мятежники въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ 23-го января, предводимые монахомъ Иринеемъ, человѣкомъ въ высшей степени невѣжественнымъ, грубымъ, за спину котораго прятались главные предводители бунта, потребовали отъ начальства прочитать вѣроисповѣданіе, предварительно составленное ими, и подписать актъ объ изгнаніи изъ монастыря ненавистныхъ имъ лицъ. Начальство, зная, что у мятежниковъ рѣшено на случай неповиновенія его учинить съ нимъ такую же расправу, какая учинена въ Андреевскомъ скиту, скрѣпя сердце, подписало этотъ актъ. Мятежники потребовали, кромѣ того, ограничить игуменскую власть братскимъ соборомъ, въ составъ котораго вошли исключительно избранники ихъ. Начальство, во избѣжаніе кровопролитія, согласилось и на это.

Вскорѣ послѣ этого я, по приказанію игумена, уѣхалъ въ Петроградъ хлопотать о возстановленіи въ скиту порядка.

Въ Петроградѣ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ принялъ меня и весьма сожалѣлъ, что въ нашей обители случилось такое несчастье, и въ заключеніе сказалъ: «Спорная книга: «На горахъ Кавказа» уже разсматривается по порученію Святѣйшаго Синода. И вотъ, когда доставлены будутъ доклады о ней въ Святѣйшій Синодъ, тогда выяснится, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ. Согласно этому и будутъ приняты мѣры для водворенія на Аѳонѣ порядка. Впрочемъ, вселенскій патріархъ ее уже разсмотрѣлъ и осудилъ ученіе, изложенное въ ней. Но и нашему Синоду надобно самостоятельно ее разсмотрѣть». При этомъ онъ спросилъ: «Вы гдѣ остановились? На своемъ подворьѣ?» Я отвѣтилъ утвердительно. «Ну, а какъ на подворьѣ? Спокойно? Не отозвался на немъ аѳонскій мятежъ?» Отвѣчаю: Я только что пріѣхалъ, а посему не могу сказать, въ какомъ состояніи въ отношеніи къ скиту находится оно.—«Смотрите, чтобы тамъ никто не занимался этимъ вопросомъ. Это дѣло Церкви. Если что-нибудь подобное и въ особенности волненіе замѣтите на подворьѣ, то непремѣнно доложите мнѣ». Я далъ ему слово.

Но вернемся въ скитъ и посмотримъ, что дѣлается въ немъ. Фактически управляетъ имъ о. Булатовичъ. О. Давидъ доволенъ остается званіемъ игумена и ни въ чемъ Булатовичу и его сподвижникамъ не прекословитъ.

29-го января Протатъ постановилъ объявить скитъ «злословнымъ» и всѣмъ православнымъ, живущимъ на Аѳонѣ, возбранить имѣть общеніе съ нимъ, а самому Булатовичу и архимандриту Давиду

запретить священнодѣйствовать впредь до новаго разсмотрѣнія Великой Церковью спорнаго вопроса [1]).

Не имѣя возможности проникнуть въ скитъ и объявить свое постановленіе братству, онъ прибилъ объявленіе сего къ портѣ скита и разослалъ его по всѣмъ монастырямъ Аѳонской горы, и развѣсилъ по улицамъ Кареи.

Булатовичъ и о. Давидъ съ симъ постановленіемъ считаться не стали и продолжали служить.

Несмотря на то, что мятежники держали братію скита въ невѣдѣніи относительно распоряженія Протата по поводу скитскаго мятежа, все-таки ей удалось ознакомиться съ объявленіемъ, висѣвшимъ на портѣ и охраняемымъ часовыми солдатами. Въ братствѣ поднялся сдержанный ропотъ. Даже часть, открыто ратовавшая за новое скитское начальство, въ его правотѣ усомнилась.

Мятежники собрали братскій соборъ и на немъ обвиняли Протатъ и русское начальство, что будто они дѣйствуютъ пристрастно по отношенію къ скиту, причемъ предложили братству искать правосудія въ Петроградѣ и просили его подписать бумаги, ранѣе заготовленныя ими. Братство, запуганное ими и держимое въ скиту подъ замкомъ, конечно, не могло бумагъ не подписать. Ѣхать съ бумагами въ Петроградъ вызвался самъ Булатовичъ.

Въ Петроградѣ онъ помѣстился на частной квартирѣ и сталъ обвинять у властей и въ печати игумена архимандрита Іеронима и прочихъ ему непокорныхъ и жаловаться на несправедливости Протата и прочихъ властей, а въ скитъ посылать утѣшительныя письма, что они (имебожники) будутъ въ скоромъ времени оправданы и заживутъ безмятежною жизнью.

Въ скиту, по отъѣздѣ Булатовича, его замѣстилъ его секретарь о. П—ръ, библіотекарь, доселѣ державшій порту въ своихъ крѣпкихъ рукахъ. Теперь онъ сдѣлался въ скиту полнымъ хозяиномъ. О. Давидъ, доселѣ бывшій въ подчиненіи у Булатовича, подчинился ему.

Жизнь при новомъ правителѣ въ скиту для не пріемлющихъ новаго догмата стала невозможна. Онъ требовалъ отъ нихъ чрезъ посредство собора или вдвоемъ съ архимандритомъ Давидомъ, а иногда и одинъ, чтобы они проклинали игумена Іеронима.

Но все-таки у многихъ ревнителей новаго догмата благоразуміе стало постепенно брать верхъ. Этому способствовали вѣсти, время отъ времени проникавшія въ скитъ, что Святѣйшій Синодъ хотя еще официально и не разсмотрѣлъ спорной книги, но большинство его членовъ, частно ознакомившихся съ ней, высказывается про-

---

[1]) Патріархъ Іоакимъ, осудившій ученіе книги: «На горахъ Кавказа», незадолго передъ этимъ скончался, а новый патріархъ пожелалъ самостоятельно разсмотрѣть ученіе названной книги.

тивъ ученія ея; что Правительство недовольно самосудомъ Булатовича и сподвижниковъ его. Также—дошло, что и новый вселенскій патріархъ готовится осудить спорное ученіе и требуетъ на судъ Булатовича и архимандрита Давида. Все это и не въ мѣру усилившееся насиліе новаго начальства въ скиту заставили многихъ призадуматься, и пылъ у многихъ прошелъ. Они въ душѣ отшатнулись отъ ученія Иларіона и новаго начальства и стали смотрѣть на все открытыми глазами, причемъ болѣе благоразумные изъ нихъ самостоятельно стали вдумываться во все, происшедшее въ скиту, и сравнивать защиту Святыми Отцами церковныхъ догматовъ съ защитой новаго догмата Булатовичемъ и его компаніей и, видя, что первые всегда сами страдали отъ еретиковъ, а защитники новаго догмата, наоборотъ, сами другимъ причиняютъ страданія, поняли, что вмѣстѣ съ ними они стоятъ на ложномъ пути.

Снова постепенно поднялся ропотъ, вскорѣ перешедшій въ общее осужденіе новаго начальства, и появилось желаніе послать депутацію возвратить въ скитъ законнаго игумена архимандрита Іеронима.

Къ сему времени пылъ, очевидно, прошелъ и у самого начальства. Оно, за исключеніемъ немногихъ, самыхъ ярыхъ и честолюбивыхъ имебожниковъ, не находя въ себѣ силъ справиться съ роптавшимъ братствомъ, готово было къ нему присоединиться и водворить о. Іеронима въ скитъ, на его законный постъ.

О. Давидъ, долго неѣхавшій къ патріарху на судъ, наконецъ, уѣхалъ и, при разъясненіи ему патріархомъ спорнаго ученія, сознался свою ошибку и, справедливо ссылаясь на свою безграмотность, всю вину распространенія ереси и безпорядка и бунта въ скиту свалилъ на Булатовича, причемъ просилъ патріарха не карать его (Давида) за его участіе въ бунтѣ. Патріархъ простилъ его, но съ условіемъ, чтобы онъ отъ власти навсегда отказался и болѣе не вмѣшивался въ скитскія дѣла. Онъ далъ слово и уѣхалъ на Аѳонъ и поселился внѣ скита, гдѣ жилъ раньше.

Сначала онъ строго соблюдалъ данное патріарху обѣщаніе. Никакія просьбы со стороны мятежниковъ не могли его склонить къ измѣнѣ даннаго слова патріарху.

Казалось, все складывалось такъ, что предполагаемая въ скиту депутація вскорѣ явится предъ лицо изгнаннаго игумена архимандрита о. Іеронима и съ честію возвратитъ его въ скитъ. Объ этомъ мятежники уже извѣстили было на скитскія подворья. Но самъ П—ръ и немногіе съ нимъ еще крѣпко держали власть въ своихъ рукахъ и были еще довольно сильны, чтобы воспротивиться общему настроенію братства.

Къ несчастію скита, разборъ въ Святѣйшемъ Синодѣ книги «На горахъ Кавказа» осложнился книжкой Булатовича: «Апологія вѣры во имя Божіе и во имя Іисусъ», а посему рѣшеніе Синода о

спорномъ ученіи еще отодвинулось на нѣкоторое время, а равно и водвореніе порядка въ скиту, такъ какъ, во ожиданіи этого рѣшенія, гражданская власть для возстановленія порядка въ скиту почти ничего не предпринимала.

IX.

Шелъ Великій постъ. Игуменъ архимандритъ Іеронимъ и прочіе изгнанные съ нимъ все еще томились во изгнаніи, но, опираясь на свою правоту, правосудіе Правительства и настроеніе братства, чаяли водворенія порядка въ скиту и своего возвращенія въ скитъ въ самое ближайшее время. Но неожиданно въ скиту все измѣнилось къ худшему и горшему.

На Аѳонъ въ Пантелеимоновскій монастырь пріѣхалъ доживать свой вѣкъ развѣнчанный за пропаганду киселевской секты миссіонеръ игуменъ Арсеній. Многіе аѳониты знали его еще во время расцвѣта его миссіонерской дѣятельности. Они бывали на бесѣдахъ, кои онъ велъ съ различными сектантами, преимущественно въ деревняхъ. Въ ихъ глазахъ онъ былъ великимъ знатокомъ Священнаго Писанія. Нѣкоторые знали его на Аѳонѣ, когда онъ жилъ тамъ и принялъ постриженіе въ Пантелеимонскомъ монастырѣ и, временами пріѣзжая на него, проповѣдывалъ съ церковнаго амвона. Все это подкупало простецовъ въ его пользу и въ особенности то, что онъ былъ миссіонеръ-самородокъ, аѳонитъ и въ школахъ не учился. Они рѣшили: что онъ скажетъ по спорному вопросу, въ томъ и есть истина и правда.

Въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ онъ говорилъ противъ ученія книги. «На горахъ Кавказа» и вскорѣ переѣхалъ въ Андреевскій скитъ. Въ скиту съ церковнаго амвона онъ въ первый разъ также говорилъ противъ этого ученія. Мятежники подняли шумъ, гамъ, вскочили на амвонъ, приказывая ему замолчать, и насильно повели его на архондарикъ [1]), гдѣ, стоя передъ нимъ на колѣнахъ, просили его перейти на ихъ сторону и укрѣпить братство въ ученіи о. Иларіона, причемъ рисовали мрачную картину, въ будущемъ готовящуюся имъ, если сіе ученіе не будетъ защищено.

Результатъ усиленной просьбы вскорѣ обнаружился.

На слѣдующій день о. Арсеній снова очутился на амвонѣ, но, къ прискорбію, не по-вчерашнему сталъ говорить. Онъ сталъ защищать новый догматъ и превратно толковать свою вчерашнюю проповѣдь, причемъ говорилъ, что все сказано въ ней въ защиту ученія книги «На горахъ Кавказа» о имени Божіемъ «Іисусъ», а не противъ его, какъ нѣкоторые поняли.

---

[1]) Гостиницу.

Простецы, не умѣя разобраться въ хитросплетеніи его, повѣрили ему. Мятежники радовались этому. При этомъ о. Давидъ, оставивъ свое уединеніе, пришелъ въ скитъ, встрѣтилъ о. Арсенія, какъ посланника неба, и, по-дѣтски во всемъ повѣривъ ему на слово, привязался къ нему, какъ дитя привязывается къ нянѣ, и по-прежнему принялъ также номинально бразды правленія скитомъ.

О. Арсеній оказался въ роли диктатора скита. Чтобы держать братство въ рукахъ и объединить всѣхъ приверженцевъ новаго догмата, и посѣять въ нихъ бо́льшую вражду къ противникамъ, онъ учредилъ самочинный союзъ, назвавъ его «Союзъ архангела Михаила», и самъ вошелъ въ него первый и отъ скитянъ того же потребовалъ, причемъ присвоилъ членамъ союза громкое названіе «исповѣдники». Таковымъ названіемъ Церковь именуетъ принявшихъ мученіе за чистоту вѣры православной.

Братія не вся вошла въ означенный союзъ: не принявшіе ранѣе новаго догмата и успѣвшіе одуматься и стряхнуть съ себя лицемѣріе и страхъ противились его инициатору и другимъ крамольникамъ скита.

Тогда временно ослабѣвшее насиліе приняло ужасающій размѣръ. Имебожники, по приказанію своихъ главарей, стали сторониться отъ непріемлющихъ новаго догмата, какъ отъ зачумленныхъ, не стали съ ними кушать за однимъ столомъ, указавъ имъ мѣсто въ трапезной въ углу, куда стали подавать имъ кушанье въ грязной посудѣ; въ соборномъ храмѣ отвели имъ мѣсто въ притворѣ, строго возбранивъ входить во внутренній храмъ и прикладываться ко св. иконамъ. Священнослужителямъ было воспрещено кадить ихъ. При этомъ не было исключенія даже для почетныхъ и заслуженныхъ старцевъ, предъ коими раньше всѣ благоговѣли. Угроза, укоризна и брань на нихъ сыпались болѣе, чѣмъ на новопачальныхъ. Нельзя было поручиться за ихъ безопасность.

Жизнь для православныхъ въ скиту до того стала невыносима, что многіе задумали бѣжать изъ него. Мятежники строго охраняли порту, но все-таки нѣкоторымъ смѣльчакамъ удалось ночью убѣжать изъ скита.

Одинъ изъ пережившихъ это злополучное время со скорбію сказалъ: «Ужасъ братіи во время бунта до 13-го января въ сравненіи съ ужасомъ времени владычества Арсенія въ скиту—не что иное, какъ его тѣнь».

Такое умиротвореніе принесъ въ скитъ игуменъ Арсеній! При семъ невольно воспоминаются слова Христа Спасителя: «Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ».

Деспотизмъ о. Арсенія не могъ не отозваться на Пантелеимоновскомъ монастырѣ и скитѣ Онуфрія. Оттуда многіе вошли въ учрежденный Арсеніемъ союзъ и стали держать начальство монастыря

въ осадномъ положеніи и, желая завладѣть монастыремъ, неоднократно пытались учинить расправу съ начальствомъ, но это имъ не удавалось—мѣшало греческое войско, квартировавшее вблизи монастыря и въ опасную минуту частями являвшееся въ монастырь.

Мятежникамъ было извѣстно, что книга: «На горахъ Кавказа» разсматривается, по порученію патріарха, профессорами высшей богословской школы, находящейся на островѣ Халки. Чтобы подорвать вѣру въ правоспособность школы правильно разсмотрѣть названную книгу, мятежники наименовали островъ Халки апокалипсическимъ звѣринымъ числомъ, означающимъ антихриста—666. Для этого они островъ Халки переименовали въ Халкіе, превративъ буквы этого наименованія въ славянскія цифры $\frac{\text{х}}{600}+\frac{\text{а}}{1}+\frac{\text{л}}{30}+$ $+\frac{\text{к}}{20}+\frac{\text{і}}{10}+\frac{\text{е}}{5}$, получили означенное число 666. И вотъ, когда патріархъ, синодально разсмотрѣвъ докладъ названной школы по спорному ученію, осудилъ это ученіе и, подобно своему предшественнику, прислалъ о семъ отъ 5-го апрѣля 1913 года, за № 2206 свою грамоту, тогда мятежники во главѣ съ Иринеемъ выступили противъ нея съ своимъ заготовленнымъ числомъ—666 и островъ Халки на соборѣ назвали антихристомъ, говоря, что онъ повелъ борьбу съ именемъ Божіимъ, а посему не должно признавать патріаршей грамоты, составленной на основаніи разбора спорнаго ученія въ халкинской школѣ.

Мятежники и въ Андреевскомъ скиту также грубо и безсмысленно вооружились противъ означенной грамоты и даже противъ Россійскаго Святѣйшаго Синода. О. Давидъ въ присутствіи братіи и игумена Арсенія порицалъ патріарха и членовъ Россійскаго Синода, называя ихъ масонами, еретиками, причемъ говорилъ, что они достойны анаѳемы При этомъ о. Арсеній обратился къ братіи съ вопросомъ: согласна ли она предать анаѳемѣ помянутыхъ лицъ? Отвѣтъ былъ утвердительный. Вслѣдъ за симъ онъ началъ называть лицъ, коихъ они съ о. Давидомъ предназначили анаѳемѣ. На каждую выкличку раздавалось со стороны отуманеннаго братства: «Анаѳема! анаѳема! анаѳема!» Въ заключеніе сего о. Давидъ, указывая пальцемъ въ землю, произнесъ: «И трижды прокляты!»

Послѣ этого они выгнали свыше двадцати пяти человѣкъ.

Но и приверженцы новаго догмата не всѣ пошли за о. Арсеніемъ. Человѣкъ двадцать изъ боевой дружины Булатовича, вопреки начальству, выѣхали изъ скита въ Россію.

Ревновавшіе же не по разуму и нежелавшіе разбираться въ словахъ Арсенія слѣпо продолжали шествовать за нимъ. Опъ это видѣлъ и ловко пользовался имъ въ цѣляхъ своей пропа-

ганды и, говоря имъ поученіе, необыкновенно возбуждалъ ихъ противъ противниковъ своихъ, сравнивая ихъ съ пчелами-трутнями, которыхъ пчелы-работницы безпощадно выкидываютъ изъ ульевъ, предварительно оборвавъ имъ крылья; и, наконецъ, обѣщалъ сказать въ слѣдующій разъ нѣчто «великое», котораго еще никто никогда не слыхалъ.

Это имебожниковъ необыкновенно возбудило и настроило противъ православныхъ въ высшей степени враждебно, а въ послѣднихъ произвело панику и ужасъ — они предчувствовали новую кровавую расправу.

Но не суждено было о. Арсенію исполнить обѣщаніе—сказать нѣчто «великое»: его вскорѣ, гулявшаго въ саду, внезапно разбилъ параличъ, при чемъ о. Арсеній потерялъ способность владѣть языкомъ, а мѣсяца черезъ три перешелъ въ вѣчность.

Казалось, это должно было вразумить многихъ крамольныхъ имебожниковъ, но они оставались при своемъ и лишь П—ръ библіотекарь, по словамъ пустынника о. Ис-хія, тогда приверженца новоявленнаго ученія, отчасти усумнился въ правотѣ новаго догмата, но не переставалъ крамольничать и продолжалъ начатую съ П-мъ Григоровичемъ, бывшимъ на Благовѣщенской кельѣ секретаремъ Булатовича, составлять прокламацію на послѣднюю патріаршую грамоту.

Наконецъ, книга: «На горахъ Кавказа», «Апологія вѣры» Булатовича и его брошюры и листки по спорному ученію детально были разсмотрѣны въ Святѣйшемъ Синодѣ и осуждены за ихъ еретическое мудрствованіе. О семъ Святѣйшій Синодъ оповѣстилъ въ своемъ «Посланіи къ инокамъ», напечатанномъ въ № 20 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1913 г., а для вразумленія заблудшихъ послалъ на Аѳонъ архіепископа Никона, давъ ему въ помощники С. В. Троицкаго, преподавателя одного изъ духовныхъ училищъ.

Узнавъ объ этомъ, имебожники мятущихся обителей не только не склонились предъ авторитетомъ Святѣйшаго Синода, но и вооружились противъ него бо́льшими укоризнами и бранью и рѣшились противиться ему до послѣдней крайности.

Такъ, напримѣръ, по пріѣздѣ на Аѳонъ архіепископа Никона, о Давидъ, натравляя братію противъ Синода и архіепископа Никона, говорилъ, что пріѣхалъ на Аѳонъ присланный Святѣйшимъ Синодомъ «семиглавый змій» и уже распростеръ свою власть надъ Пантелеимоновскимъ монастыремъ и готовится распространить ее и надъ нашей обителью. При этомъ онъ упрашивалъ братію не подчиняться ему, а на вопросъ нѣкоторыхъ, брать ли у архіепископа Никона благословеніе, если пріѣдетъ онъ въ Андреевскій скитъ, отвѣтилъ, что лучше взять благословеніе у сатаны, чѣмъ у Никона.

Эти слова имѣли дѣйствіе на простецовъ, и въ глазахъ ихъ арх. Никонъ еще до его пріѣзда въ скитъ сталъ врагомъ Божіимъ, а ихъ

деспотомъ и мучителемъ. Кромѣ того, ихъ стали запугивать мученіями и пытками, будто готовящимися имъ со стороны властей, и приготовлять ихъ къ смерти преждевременнымъ постригомъ въ мантію.

Цѣлый мѣсяцъ архіепископъ Никонъ увѣщавалъ заблудшихъ пантелеимоновцевъ, разъясняя имъ неосновательность принятаго ими новаго ученія. Результатомъ трудовъ его было то, что около тысячи человѣкъ возвратились къ повиновенію Церкви. Остальные, подъ вліяніемъ главарей, и слышать не хотѣли его архипастырскаго увѣщанія, держали себя буйно, всячески понося его, отнюдь не считаясь ни съ его саномъ, ни съ канонами Церкви.

Такъ какъ, по уставу Св Аѳонской горы, не могутъ на ней жить еретики, то греческое Правительство нетерпѣливо ждало, когда русское Правительство вразумитъ еретиковъ, или удалитъ ихъ съ Аѳона. Но вотъ прошло уже пять мѣсяцевъ послѣ кровавой расправы еретиковъ въ Андреевскомъ скиту, и кончался еще мѣсяцъ увѣщанія архіепископомъ Никономъ этихъ еретиковъ, а они по-прежнему остаются на Аѳонѣ и держатъ себя вызывающе. Терпѣніе греческаго Правительства стало истощаться, и оно объявило архіепископу Никону и прочимъ русскимъ властямъ, что если они не удалятъ еретиковъ съ Аѳона, то оно само расправится съ еретиками.

Тогда упорнымъ еретикамъ было предложено со стороны русскаго Правительства или отречься отъ заблужденія и остаться на Аѳонѣ, или, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, выѣхать съ него. Въ противномъ случаѣ они будутъ съ Аѳона удалены силой. Но это не помогло. Мятежники увѣряли другъ друга, что ихъ только запугиваютъ. Были вызваны русскіе солдаты.

Видя вооруженныхъ солдатъ, мятежники поняли, что не запугиваютъ ихъ, а, дѣйствительно, намѣреваются вывезти съ Аѳона. Они рѣшили удалиться съ Аѳона, но съ тѣмъ, чтобы своему удаленію придать яркую окраску,—показать всему міру, что они суть, дѣйствительно, «исповѣдники» за имя Божіе «Іисусъ». Съ этой цѣлью они вознамѣрились воспротивиться и вооруженной силѣ, имѣя въ виду, что, быть можетъ, въ нихъ будутъ стрѣлять. Это, по ихъ мнѣнію, и окружило бы ихъ ореоломъ исповѣдничества и святости.

Наконецъ, былъ данъ мятежникамъ однодневный срокъ, послѣ котораго если они не одумаются, то силой будутъ удалены съ Аѳона.

По прошествіи означеннаго срока, они всѣ собрались около своего вожака и на вопросъ начальства, прибывшаго въ монастырь для умиротворенія его, они наотрѣзъ отказались оставить свои убѣжденія, а равно и обитель, ожидая, что въ нихъ будутъ стрѣлять.

Но въ нихъ не стали стрѣлять, а, вмѣсто ружей, направили на нихъ пожарные шланги съ водой и, такимъ способомъ смиривъ,

водворили ихъ на пришедшій за ними пароходъ Добровольнаго флота «Херсонъ».

Настала очередь за удаленіемъ еретиковъ изъ Андреевскаго скита. Главари-мятежники его, видя, что невозможно противиться власти, рѣшили безъ сопротивленія оставить Аѳонъ, захвативъ съ собою и тѣхъ простецовъ-имебожниковъ, кои во всемъ имебожническомъ движеніи почти ничего не понимали и шли за ними безъ всякаго разсужденія. Главари подготовляли ихъ обманомъ, говоря, что Правительствомъ дается имъ въ Россіи хорошій монастырь, гдѣ они, не оставляя своихъ убѣжденій, безбѣдно будутъ жить, а тѣхъ, кто не желалъ съ ними уѣзжать, старались насильно увлечь за собой. И надо полагать, что немалое число братіи оставило Аѳонъ вслѣдствіе обмана и настойчивости главарей, даже несмотря на то, что архимандритъ Іеронимъ, зная, что они сбиты съ толка главарями и слѣдуютъ за ними по своей простотѣ, многимъ посылалъ передъ этимъ увѣщательныя письма, прося ихъ не покидать родной обители, раскаяться и жить въ ней по-прежнему мирно.

Уѣзжая изъ скита, имебожники много захватили вещей, кои не принадлежали имъ, причемъ, по распоряженію начальства, прибывшаго за ними, они были награждены деньгами изъ кассы скита. Это было 8-го іюля 1913 года.

Игуменъ архимандритъ Іеронимъ и прочіе изгнанные съ нимъ, проскитавшіеся шесть мѣсяцевъ внѣ родной своей обители, въ этотъ же день были съ честью водворены въ скитъ.

Натерпѣвшаяся въ скиту горя, побоевъ и страха братія со слезами радости встрѣтила ихъ у святыхъ воротъ, изъ коихъ, спустя шесть мѣсяцевъ, вышла первый разъ, и по-дѣтски радовалась возвращенію въ обитель своего отца и братіи.

Съ сей поры въ мятущихся обителяхъ снова водворились благочестіе, миръ, тишина и порядокъ.

Да поможетъ имъ Господь Богъ сохранить ихъ изъ рода въ родъ, а ожесточеннымъ имебожникамъ одуматься и быть покорными Матери-Церкви, которой большинство изъ нихъ противится по своему невѣжеству и лишь немногіе по честолюбію и гордости.

Прибавленія.

Правда о событіяхъ, происшедшихъ въ первое полугодіе 1913 года въ Пантелеимоновомъ монастырѣ на Аѳонѣ [1]).

Въ виду того, что русское православное общество взволновано событіями, имѣвшими мѣсто на Аѳонѣ и въ частности—въ обители св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, и еще болѣе—слухами объ этихъ событіяхъ, безъ разбора мѣшающими ложь съ истиною и быль съ небылицею, а также въ виду того, что печать, враждебно настроенная къ св православной Церкви, старается представить дѣло въ совершенно извращенномъ видѣ· черное обѣлить, а бѣлое очернить; въ виду всего этого обитель св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на Аѳонѣ, не задаваясь цѣлью сочинять себѣ апологію, считаетъ, однако, своимъ долгомъ описать вкратцѣ и освѣтить важнѣйшія событія, происшедшія въ ней за истекшее первое полугодіе нынѣшняго года, дабы всѣ православные русскіе люди, желающіе знать истину, могли ее знать и не были бы вводимы въ заблужденіе газетною клеветою.

Съ самаго начала появленія аѳонскихъ споровъ по поводу пресловутой книги схим. Иларіона «На горахъ Кавказа» и донынѣ въ огромной части русской печати распространялось и распространяется самое невѣрное сужденіе о послѣдователяхъ новоизмышленнаго ложнаго догмата объ имени «Іисусъ». Въ началѣ печать довольно легко взглянула на происшедшее религіозное разномысліе и даже склонна была отчасти видѣть въ ученіи схим. Иларіона какое-то новое откровеніе, а въ послѣдователяхъ Иларіона — носителей этого послѣдняго—истинныхъ дѣлателей молитвы Іисусовой. Въ послѣднее же время, послѣ развязки аѳонскихъ споровъ, не только лѣвая, но отчасти даже и правая печать, отдавъ свои симпатіи отпавшимъ отъ Церкви новымъ раскольникамъ, стала всячески защищать ихъ и оправдывать, изображая ихъ чуть ли не мучениками и исповѣдниками, и въ то же время, во что бы то ни стало, стараясь очернить православную Церковь и представителей духовной и свѣтской власти, рѣшившихъ судьбу аѳонскихъ отщепенцевъ, отъ которыхъ въ особенности, конечно, пришлось пострадать архіепископу Никону.

Чтобы возстановить истину, обитель, хотя съ нѣкоторымъ самоукореніемъ и болью сердца за своихъ заблудшихъ чадъ, однакоже

[1]) «Русская Рѣчь», № 2326.

рѣшается показать ихъ важнѣйшія неправыя дѣянія. Хотя недобрая слава дѣтей колетъ глаза и родителямъ, однако родители не могутъ отвѣчать за всѣ преступныя дѣянія дѣтей. Равнымъ образомъ честные родители не станутъ скрывать безчестныхъ поступковъ дѣтей, если не желаютъ сами быть косвенными участниками ихъ преступленій Такъ точно и здѣсь. Такъ какъ русскіе православные люди находятся нынѣ въ большой опасности, подъ вліяніемъ худой печати, такъ или иначе склониться на сторону отступниковъ отъ православной вѣры и Церкви, то святая обитель наша готова лучше сама подвергнуться правымъ и неправымъ пересудамъ, только бы не оставить въ невѣдѣніи объ истинѣ православныхъ чадъ Церкви.

Итакъ, вотъ наша скорбная повѣсть.

Книга схим. Иларіона «На горахъ Кавказа» не имѣла первоначально большого распространенія среди нашей братіи. Когда противъ этой книги открыто высказался іеросхимонахъ Ѳиваидской пустыни Алексій, и его стали поддерживать многіе изъ братіи, а также когда появилась (въ рукописи, а затѣмъ и въ печати) рецензія на названную книгу инока Ильинскаго скита Хрисанѳа, тогда только у насъ началось нѣкоторое движеніе, не столько въ пользу книги схим. Иларіона, сколько противъ еросхим. Алексія и рецензіи Хрисанѳа. Многихъ изъ нашей братіи на этотъ опасный путь склонила простота и невѣжество, неопытность въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ. Въ силу чего нѣкоторые изъ уклонившихся въ заблужденіе мнили себя защитниками не ложной теоріи объ имени «Іисусъ», но Самого Господа Іисуса Христа. Однако значительнѣйшая часть нашихъ лжемудрствующихъ монаховъ, нужно сказать правду, съ самаго начала руководилась еще другими скрытными побужденіями: властолюбивыми, корыстолюбивыми и т п. Во всякомъ случаѣ это были далеко не лучшіе и даже не средніе въ нравственномъ отношеніи иноки обители, хотя не безъ исключеній. Какъ бы то ни было, но всѣ, склонившіеся на сторону ученія схим. Иларіона, сразу же заявили себя духомъ нетерпимости, братоненавистничества, злобы, вражды и многаго насилія по отношенію къ братіямъ, не раздѣлявшимъ ихъ религіознаго заблужденія. Все это совершенно не соотвѣтствуетъ качествамъ истинныхъ дѣлателей молитвы Іисусовой. Замѣчено было у насъ всѣми въ обители, что какъ только кто начиналъ склоняться къ иларіоновскому заблужденію, такъ сейчасъ же воспринималъ и проявлялъ указанныя черты характера. дѣлался какимъ-то мрачнымъ, желчнымъ, раздражительнымъ, хотя бы раньше отличался кротостію и мягкостью нрава.

Образцомъ для дѣйствій нашихъ протестантовъ послужилъ Антоній Булатовичъ и его партія, которые 12-го января сего года, какъ извѣстно, изгнали въ Андреевскомъ скиту игумена и мно-

гихъ изъ братіи. 21-го и 23-го января наши раскольники собрали самочинный соборъ и въ послѣднее число подъ разными предлогами вынудили игумена, намѣстника и старшую братію согласиться на изгнаніе слѣдующихъ лицъ, либо сознательно и открыто заявившихъ себя противниками новаго ученія объ имени «Іисусъ», либо тѣмъ или инымъ неугодныхъ бунтовщикамъ: іеросхимонаховъ Агаѳодора, Вероника и Алексія, іеродіакона Неарха, схимонаховъ Леона и Пинуфрія и монаха Денасія. Хотя согласіе на изгнаніе поименованныхъ лицъ было вынуждено бунтовщиками и дано было въ видахъ умиротворенія среди братіи споровъ и безпорядковъ, но, какъ бы то ни было, обитель сознаетъ этотъ фактъ, какъ ошибку, въ силу коей бунтовщики получили повадку и впредь дѣйствовать съ такимъ же насиліемъ и дерзостью. Впрочемъ, въ противномъ случаѣ, несомнѣнно, надо бы ожидать въ обители болѣе серьезныхъ безпорядковъ, т. е. изгнанія властей, расхищенія кассы и вообще полной анархіи. Нехорошо было еще и то, что изгнаніемъ поименованныхъ лицъ давалось въ то же время нѣкое якобы согласіе на новое неправославное ученіе. Хотя и въ данномъ случаѣ въ оправданіе старшей братіи обители не только можно, но и должно указать на то обстоятельство, что въ то еще время новая ересь, искусно прикрытая личиною благочестія, не обнаружилась во всей своей наготѣ и лжи не только передъ общецерковнымъ сознаніемъ, но и передъ сознаніемъ многихъ богословски-просвѣщенныхъ людей въ Россіи, а тѣмъ болѣе не могла быть ясна простымъ аѳонитамъ

Послѣ этого, хотя жизнь въ обители съ внѣшней стороны пошла какъ будто нѣсколько спокойнѣе, но внутри продолжалось и еще болѣе разгоралось броженіе. Бунтовщики наши не только не успокоились, но начали дѣйствовать еще съ большимъ насиліемъ и наглостью: 19-го марта они также на самочинномъ соборѣ потребовали уже не чего другого, и именно ограниченія власти игумена, а затѣмъ рѣшили сдѣлать и окончательный насильственный внезапный переворотъ въ монастырѣ, смѣнивъ настоящихъ властей другими, болѣе угодными бунтовщикамъ, и съ этою цѣлью 29-го апрѣля перерѣзали телефонное сообщеніе между монастыремъ, пристанью Дафна и аѳонскимъ правительственнымъ мѣстомъ—Кареею. Крайне прискорбно писать памъ объ этомъ и ужасно стыдно и больно за своихъ бывшихъ собратій. Но это необходимо знать всѣмъ, склоннымъ оправдывать и защищать аѳонскихъ изгнанниковъ, какъ исповѣдниковъ и истинныхъ защитниковъ славы и имени кротчайшаго Спасителя нашего Господа Іисуса Христа. Такимъ характеромъ и такими дѣйствіями всегда почти отличались и отличаются всѣ еретики, какъ предсказано о томъ еще св. ап. Петромъ и Іудою (см. 11 посл. Петр. 2, 10; Іуд. 8 ст.).

Попытка бунтовщиковъ произвести въ монастырѣ насильствен

ный переворотъ и захватить въ свои руки власть и кассу не увѣнчалась успѣхомъ, благодаря вызванному съ Дафны небольшому отряду греческихъ солдатъ.

Подобныя попытки повторялись со стороны бунтовщиковъ весьма нерѣдко: такихъ случаевъ было, по крайней мѣрѣ, пять, если не болѣе. Но дивно хранилъ обитель Промыслъ Божій и покровъ Богоматери. Это особенно было очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, замыслы заговорщиковъ разоблачались всего за какой-либо часъ до приведенія ихъ въ исполненіе, или когда обители совершенно негдѣ было взять внѣшней помощи, ее спасалъ случайно проходившій мимо обители отрядъ греческихъ солдатъ.

Съ вышеуказаннаго числа, т. е. съ конца апрѣля, въ особенности же съ того времени, когда прибывшими въ обитель 2-го мая членами Протата (мѣстной духовной власти на Аѳонѣ) прочитана была патріаршая грамота (отъ 5-го апрѣля), осуждающая новое ученіе и называющая его ересью,—въ монастырѣ поистинѣ началось осадное положеніе Правомыслящихъ иноковъ въ обители было значительное меньшинство. Бунтовщики же день ото дня усиливались и наглѣли все болѣе и болѣе Они то распространяли нелѣпые слухи о судѣ надъ константинопольскимъ патріархомъ и архіепископомъ волынскимъ Антоніемъ, о согласіи съ иларіоновскимъ ученіемъ Государя, всѣхъ русскихъ іерарховъ и пр., то готовы были перейти къ дѣлу, постоянно грозя изгнать игумена и единомысленную ему братію, какъ еретиковъ и безбожниковъ. Мы не говоримъ уже о всевозможныхъ другихъ угрозахъ, ругательствахъ, оскорбленіяхъ и прочихъ проявленіяхъ крайней вражды и ненависти бунтовщиковъ къ не единомысленнымъ съ ними инокамъ Тяжесть положенія для послѣднихъ усиливалась отъ того, что въ Россіи плохо вѣрили въ серьезность и опасность положенія обители и потому не спѣшили оказаніемъ намъ скорой помощи. Да и трудно было повѣрить всему происходившему въ обители, не будучи очевидцемъ того. Вообще только очевидцы знаютъ, насколько тяжела была атмосфера въ монастырѣ для того, кто не поддавался новоизмышленной ереси Это поистинѣ были дни скорби и терпѣнія, которые всю жизнь будутъ намъ памятны, и о которыхъ трудно судить не пережившимъ ихъ.

Между тѣмъ бунтовщики продолжали въ то же время дѣлать и свое дѣло. 1-го мая они открыли подписку въ члены «Союза Архангела Михаила», основаннаго въ Андреевскомъ скиту прибывшимъ на Аѳонъ передъ Пасхою Арсеніемъ, бывшимъ миссіонеромъ, котораго, кстати сказать, за уклоненіе въ ересь и дѣятельное распространеніе ея Господь покаралъ явнымъ наказаніемъ: внезапнымъ параличомъ, съ отнятіемъ языка [1]).

---

[1]) Замѣчательно, что ударъ случился съ Арсеніемъ именно тогда, когда онъ, по прибытіи въ названный скитъ, сказалъ нѣсколько рѣчей въ защиту новой ереси и за-

Распространяя въ монастырѣ подписку въ названный союзъ, главари возмущенія дѣйствовали, надо сказать, всѣми правдами и неправдами: запугиваніемъ, нелѣпыми искушающими вопросами, клеветою на патріарха и игумена, кои якобы отреклись отъ Христа, не признаютъ Его Богомъ и проч., даже насиліемъ, всячески не допуская нерѣшительныхъ и колеблющихся монаховъ давать противную подписку у игумена, какъ доказательство своего послушанія святѣйшему патріарху и его грамотѣ.

Все это время, до прибытія изъ Россіи комиссіи, нѣкоторое внѣшнее равновѣсіе въ монастырѣ сохранялось, благодаря только почти непрерывному присутствію въ обители двухъ-трехъ членовъ Протата и нѣсколькихъ членовъ мѣстной карейской полиціи (сардарей).

Наконецъ, 5-го іюня прибыла канонерская лодка «Донецъ», на которой пріѣхалъ уполномоченный отъ Государя членъ Синода архіепископъ Никонъ и русскій консулъ въ Константинополѣ г. Шебунинъ. Мы облегченно вздохнули, думая. вотъ наконецъ приблизилось избавленіе наше Но не тутъ-то было: Богу угодно было еще почти болѣе мѣсяца испытывать наше терпѣніе и очищать насъ скорбями. Эти дни были для насъ чуть ли не болѣе тяжкими, чѣмъ предыдущіе, потому что мы, надѣясь на обращеніе многихъ нашихъ собратій и на болѣе или менѣе мирный исходъ дѣла, но вскорѣ были безнадежно разочарованы въ этомъ Недолго пришлось ждать и комиссіи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Когда 7-го іюля г. консулъ созвалъ старцевъ обители для бесѣды, онъ тогда же, въ первый разъ, воочію увидѣлъ критическое положеніе монастыря. Въ этотъ день наши мятежники по звону въ колоколъ подняли открытый бунтъ въ присутствіи г. консула: кричали, шумѣли, бранились, позволяли себѣ всякія оскорбленія и непристойности, пытались запереть монастырскія ворота (порту) и пр.

Архіепископъ Никонъ также, съ первыхъ же своихъ бесѣдъ, убѣдился въ томъ, что впавшіе въ заблужденіе иноки почти всѣ находятся въ крайнемъ ослѣпленіи и ожесточеніи, какъ бы въ положеніи тѣхъ людей, которые не только не желаютъ слушать и не стараются понять того, что имъ говорятъ объ ихъ опасной бо-

---

тѣмъ пообѣщалъ однажды, на дневномъ собесѣдованіи, говорить вечеромъ двухчасовую бесѣду, на коей имѣлъ якобы сообщить братіи какую-то важную тайну (?!). Гнѣвъ Божій сейчасъ же послѣ этого покаралъ дерзкаго и самообольщеннаго лжеучителя, такъ что онъ не только не могъ послѣ того выполнить своего обѣщанія относительно бесѣды, но не въ состояніи былъ произнести и одного слова. Пролежавъ въ такомъ жалкомъ безпомощномъ положеніи болѣе трехъ мѣсяцевъ, Арсеній скончался 20-го августа. Такъ какъ передъ кончиною онъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ раскаянія и желанія примириться со святой Церковью то не только не сподобился передъ смертью покаянія и причастія Святыхъ Тайнъ, но, по распоряженію Протата, не былъ удостоенъ даже и христіанскаго погребенія

лѣзни, но затыкаютъ уши, закрываютъ глаза и опрометью, съ ругательствами и проклятіями, убѣгаютъ прочь. Бунтовщики не стали слушать архіепископа Никона съ перваго же раза; почти всѣ они не пошли даже на первую встрѣчу архіепископа, когда владыка говорилъ въ соборѣ первую вступительную рѣчь Въ другой разъ, когда архіепископъ велъ продолжительную бесѣду въ Покровскомъ храмѣ, мятежники, правда, собрались, но не для того, чтобы съ кротостью и смиреніемъ или, по крайней мѣрѣ, съ терпѣніемъ слушать слово владыки, но чтобы отвѣтить на него криками, бранью и дерзкими ругательствами, о коихъ нелѣть есть не токмо писать, но и глаголати. Эта бесѣда воспроизвела, можно сказать, въ XX вѣкѣ то, что происходило нѣкогда въ XVII в. въ Москвѣ на раскольничьихъ соборахъ, когда бесѣды велись съ такими лицами, какъ протопопъ Аввакумъ, Никита Пустосвятъ и пр.

Послѣ этого случая архіепископъ Никонъ, дабы не оскорблять святости храма, велъ бесѣды только въ библіотекѣ, въ чемъ дѣятельнымъ помощникомъ ему былъ командированный съ нимъ проф. г. Троицкій. Надо удивляться той энергіи и неутомимости, какую Господь послалъ этому послѣднему. Если старецъ архіепископъ, изможденный лѣтами, болѣзнью и жаркимъ южнымъ климатомъ, не могъ съ юношескою бодростью ежедневно приходить на бесѣды, то взамѣнъ этого не проходило дня, когда бы г. Троицкій не появлялся тамъ или здѣсь, въ библіотекѣ или какомъ-либо корпусѣ, на монастырскомъ дворѣ, или на балконѣ, и не затѣвалъ бы бесѣды съ инакомыслящими.

Но всѣ эти бесѣды архіепископа Никона и г. Троицкаго проходили почти безрезультатно. Обращенія, если и были, то только единичныя. Обыкновенно же являющіяся въ весьма небольшомъ количествѣ на собесѣдованія лица не выказывали ни малѣйшаго расположенія вникнуть въ бесѣду и сознать свое заблужденіе, отвѣчали дерзко, насмѣшливо, и даже съ ругательствами. А то бывали случаи, когда новые раскольники просто не желали явиться на бесѣду или же, придя, сейчасъ же уходили обратно по требованію своихъ главарей.

Положеніе обители было крайне тяжелымъ. Бунтовщики не поддавались ни доброму слову, ни увѣщаніямъ, ни угрозамъ. Мало того, они снова стали распространять нелѣпые слухи, хвалились, что въ концѣ концовъ они возьмутъ верхъ, и гласно и негласно, сознательно или безсознательно, стали выказывать свое недовѣріе къ тому, что архіепископъ Никонъ и г. консулъ дѣйствительно уполномочены Государемъ и Святѣйшимъ Синодомъ для умиротворенія аѳонскихъ безпорядковъ. Когда 13-го іюня г. консулъ, вынужденный поведеніемъ бунтовщиковъ, распорядился о томъ, чтобы прибывшая изъ Константинополя на «Донцѣ» команда заняла въ обители сторожевые посты, бунтовщики ударили вездѣ въ на-

батъ и подняли второй открытый мятежъ. При этомъ нѣкоторые не останавливались и передъ насиліемъ, оказывая сопротивленіе солдатамъ, а другіе въ фанатическомъ изступленіи изображали изъ себя исповѣдниковъ въ то время, когда никто не намѣревался даже пальцемъ тронуть ихъ; картина происшедшаго въ этотъ день мятежа внушала и горесть и слезы...

Вскорѣ послѣ этого военными и гражданскими чинами была произведена въ обители перепись всей братіи съ опросомъ, кто повинуется опредѣленію патріарха и Святѣйшаго Синода о новомъ ученіи и кто не повинуется. Перепись эта имѣла немалое значеніе: она показала, что въ данный моментъ число приверженцевъ ложнаго иларіоновскаго догмата значительно сократилось по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. Несчастные фанатики, видя, что имъ не позволятъ теперь чинить въ обители никакого безчинія, перестали грозить намъ изгнаніемъ и перешли къ другого рода угрозамъ: стали говорить о томъ, что они либо сожгутъ монастырь, либо взорвутъ его, во всякомъ случаѣ ни подъ какимъ видомъ не отдадутъ монастыря добровольно «еретикамъ», т. е. намъ или вообще православнымъ.

Настроеніе нашихъ несчастныхъ собратій было настолько озлобленно-враждебнымъ и воинственнымъ по отношенію къ правомыслящей братіи, что ужиться съ нами имъ было такъ же невозможно, какъ невозможно быть въ одномъ мѣстѣ огню и водѣ. Но благодареніе Богу за то, что въ данномъ случаѣ мы явились пассивною страдательною стороною, и намъ, по милости Божіей, во все время и донынѣ удалось сохранить мирное расположеніе къ нашимъ заблудшимъ и неправедно враждующимъ на насъ собратіямъ. Однако, какъ ни мрачна была представлявшаяся намъ картина ожидаемой развязки, заступленіемъ Богоматери и молитвами святого великомученика и цѣлителя Пантелеимона, Господь изъ многихъ, думается, золъ для насъ и отечества нашего попустилъ быть меньшему. Послѣ многихъ еще дней ожиданія, когда всѣ рѣшительно убѣдились въ неисправимомъ ожесточеніи мятежниковъ, показавшихъ себя за это время еще съ болѣе худшей стороны оскорблявшихъ словами и дѣломъ солдатъ, бросавшихъ, напримѣръ, въ нихъ камнями, воспрепятствовавшихъ однажды, подъ 29-е іюня, своимъ шумомъ и безчиніемъ присутствовать архіепископу Никону на всенощномъ бдѣніи, чтобы на другой день совершать литургію и пр. Послѣ всего этого 2-го іюля прибылъ къ обители пароходъ Добровольнаго флота «Херсонъ», который долженъ былъ наконецъ увезти съ Аѳона ничѣмъ неисправимыхъ и фанатичныхъ мятежниковъ.

По прибытіи парохода г. консулъ вызвалъ главарей и заявилъ имъ, что онъ предлагаетъ имъ или мирно жить въ монастырѣ, или добровольно уходить на пароходъ, въ противномъ случаѣ ихъ такъ или иначе заставятъ уйти. Главари отвѣтили, что они готовы уйти

изъ монастыря съ тѣмъ только условіемъ, если имъ здѣсь дадутъ половину монастырскихъ капиталовъ, а въ Россіи—монастырь съ подворьемъ, въ чемъ г. консулъ не могъ, конечно, дать имъ обѣщанія. Мятежники получили на размышленіе одни сутки. Но и послѣ этого они не образумились: въ какомъ-то изступленіи и ожесточеніи они рѣшили защищаться до конца. Съ этою цѣлью фанатики сдѣлали въ своихъ коридорахъ загражденія изъ постельныхъ досокъ, запаслись пескомъ, сѣрною кислотою и пр., взяли еще кощунственно иконы въ руки и въ такомъ видѣ стояли, изображая собою мнимыхъ исповѣдниковъ. 3-го іюля, послѣ неоднократныхъ еще увѣщаній со стороны г. консула, въ которыхъ прошло добрыхъ часа четыре и даже болѣе, такъ какъ мятежники отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, своеобразно приготовившись къ бою, г. консулъ отдалъ приказаніе командѣ взять мятежниковъ приступомъ. Здѣсь-то Матерь Божія—наша Заступница—и святой Пантелеимонъ и явили Свою милость къ обители. Въ это время, сверхъ всякаго ожиданія, не произошло никакого кровопролитія: солдатами не было сдѣлано ни одного выстрѣла, такъ какъ мятежники были побѣждены водою, пущенною изъ монастырскихъ пожарныхъ рукавовъ, которая охладила пылъ фанатическихъ исповѣдниковъ и сдѣлала ихъ смиренными и покорными. Они уже, не сопротивляясь, были отведены на монастырскую пристань и перевезены на «Херсонъ».

На другой день, 4-го іюля, взятые на пароходъ были опрошены, не желаетъ ли кто изъ нихъ возвратиться въ обитель, только подъ условіемъ жить въ ней мирно. Почти всѣ они безъ исключенія отвѣтили отказомъ. Черезъ посредство г. консула обитель предложила уѣзжавшимъ взять себѣ на дорогу нѣкоторое денежное вспомоществованіе, но, по приказанію главарей, мятежники отказались отъ него. Однако это сдѣлано послѣдними далеко не по безкорыстнымъ побужденіямъ, но для того, чтобы выдержать, съ одной стороны, притворно надѣтую на себя личину исповѣдниковъ вѣры, а съ другой—потому, что бунтовщики питали странныя мечты судиться въ Россіи съ обителью и получить отъ нея желаемое съ лихвою.

2-го—4-го іюля въ обители наложенъ былъ трехдневный постъ, послѣ коего, 5-го іюля, совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ стѣнъ монастыря. Въ эти дни обитель особенно усердно молилась объ обращеніи къ Церкви заблудшихъ своихъ сыновъ и въ то же время горячо благодарила Бога за избавленіе ея отъ грозившей ей неминуемой гибели.

5-го іюля, въ день памяти преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго и преподобнаго Сергія Радонежскаго, литургію въ Покровскомъ соборѣ совершалъ архіепископъ Никонъ

Владыка на этотъ разъ сказалъ особое слово, въ которомъ со слезами на глазахъ высказалъ глубокую скорбь объ отпаденіи отъ

святой Церкви столькихъ чадъ ея и въ то же время предложилъ оставшимся въ обители инокамъ соотвѣтствующее пастырское наставленіе. Дабы водворить полный миръ и спокойствіе совѣсти въ душахъ насельниковъ нашей обители, по окончаніи литургіи владыкою прочитана была надъ всѣми присутствующими въ храмѣ особая разрѣшительная молитва.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни комиссія окончила свое дѣло въ Андреевскомъ скиту. и 8-го іюля пароходы «Херсонъ» и «Донецъ» оставили, наконецъ, Святую гору. Такъ совершилось очищеніе святой обители нашей отъ недостойныхъ ея членовъ—впавшихъ, по попущенію Божію, въ ересь и затѣмъ показавшихъ себя передъ духовною и свѣтскою властью настоящими мятежниками.

Все выше изложенное есть сущая правда. Свидѣтель тому Богъ и наша совѣсть. Мы боимся страшнаго суда Божія и посему не станемъ клеветать, да при томъ же на своихъ бывшихъ собратій. Мы не ищемъ скоропреходящей чести и оправданія въ глазахъ людей, почему прямо заявляемъ, что причина происшедшаго есть, прежде всего, грѣхи наши, за кои Господь попустилъ обители нашей пережить такое несчастіе. Но намъ дорога слава имени Божія и святой православной Церкви; дорого намъ и спасеніе нашихъ ближнихъ и наше собственное вѣчное спасеніе. Все это и заставило насъ написать эти строки, дабы не торжествовали враги святой Церкви, чтобы не клеветали они на пастырей Церкви и истинныхъ сыновъ ея и чтобы не извращали, наконецъ, истины. Вѣдь, кто же въ данномъ случаѣ можетъ засвидѣтельствовать истину, кромѣ самихъ очевидцевъ истины? Кто иной можетъ повѣдать міру ту великую скорбь, какую пережила обитель наша, какъ не сама эта обитель?

Итакъ, повторяемъ, все это мы пишемъ не для того, чтобы обѣлить себя и очернить своихъ собратій. Нѣтъ. Они—наши члены, правда, омертвѣвшіе теперь, но еще такъ недавно близкіе и дорогіе намъ. Братія обители глубоко скорбитъ о паденіи заблудшихъ и до гроба не забудетъ своей скорби; поэтому, не теряя надежды на милосердіе Божіе, она теперь молится и всегда будетъ молиться о томъ, чтобы Господь помиловалъ достойныхъ помилованія и снова обратилъ ихъ въ лоно святой православной Матери-Церкви. Но при всемъ этомъ намъ необходимо было показать и правду о тѣхъ, кои были раньше сынами святой обители, не ради того, чтобы выставить ихъ на позоръ, но чтобы враги Церкви не оправдывали ихъ въ печати передъ обществомъ и тѣмъ самымъ не подвергали ихъ и многихъ другихъ опасности окончательной погибели въ отщепенствѣ и въ отпаденіи отъ Церкви.

Да не будетъ ни съ кѣмъ ни изъ мірянъ, ни изъ монаховъ того, чтобы впасть въ ту же притчу противленія, въ какую Господь попустилъ впасть нашимъ несчастнымъ собратіямъ: однимъ за гордость и самочинное мудрованіе, а другимъ—за недоброе про-

изволеніе, съ коимъ они притворно поступили и жили въ обители, обманывая довѣріе къ нимъ святой обители, пріютившей ихъ въ своихъ стѣнахъ. Эту притчу противленія Господь всѣмъ намъ показалъ для того, чтобы, съ одной стороны, призвать насъ къ покаянію, а съ другой—всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви православной предостеречь и сохранить отъ паденія.

P. S Всѣмъ смущеннымъ нынѣ духомъ по причинѣ происшедшихъ на Аѳонѣ событій рекомендуемъ прочесть нашъ листокъ подъ заглавіемъ: «Всѣмъ благодѣтелямъ, почитателямъ и поклонникамъ обители святого великомученика и цѣлителя Пантелеимона на Аѳонѣ.

Игуменъ и братія Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря.

Съ Аѳона [1]).

Въ отвѣтъ на появившуюся въ № 158 газеты «Одесскій Листокъ» перепечатку изъ «Вечерняго Времени» подъ заглавіемъ «Письма съ Аѳона», въ которой дается совершенно неправильная окраска дѣятельности преосвященнаго архіепископа Никона на Аѳонѣ и выставляются въ привлекательномъ свѣтѣ бунтующіе пантелеимоновскіе монахи, какъ «страдальцы за вѣру», покорнѣйше прошу почтенную редакцію «Русской Рѣчи» въ цѣляхъ возстановленія истины помѣстить на страницахъ своего изданія прилагаемое письмо съ Аѳона. Авторъ послѣдняго есть мой старый другъ, который отбылъ изъ Одессы на Святую гору одновременно съ архіепископомъ Никономъ, корреспондировалъ не для газетъ, не имѣлъ ни малѣйшаго повода извращать факты, и указываетъ въ своемъ письмѣ дѣйствительныя, а не воображаемыя причины неуспѣха мѣропріятій преосвященнаго Никона умиротворить бунтующихъ иноковъ, и шагъ за шагомъ воспроизводитъ все достойное вниманія изъ аѳонскихъ событій съ 5-го по 29-ое іюня.

Съ глубокимъ почтеніемъ пребываю къ вамъ.

Николай Харламовъ.

«Глубокоуважаемый
Николай Ивановичъ!

«Съ сердечнымъ прискорбіемъ хочу подѣлиться съ вами, какъ съ другомъ, свѣдѣніями о томъ, что творилось и творится по сіе время здѣсь на Святой Аѳонской горѣ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ.

«4-го іюня, въ четыре часа по полудни стаціонеръ съ архіепископомъ Никономъ, константинопольскимъ консуломъ г. Щерби-

[1]) «Русская Рѣчь», № 2266, 1913 г.

ной, профессоромъ Троицкимъ и прочими лицами, частью отбывшими одновременно съ нимъ изъ Одессы, частью присоединившимися въ Константинополѣ, вышелъ на Аѳонъ. Ровно чрезъ сутки онъ приблизился къ Аѳону Архіепископъ Никонъ вышелъ на палубу и долго любовался Святой горой, разсматривая ее въ подзорную трубу Когда станціонеръ проходилъ мимо Дафны, многіе изъ монаховъ, изгнанниковъ, какъ я потомъ узналъ, находящіеся на этой пристани, плакали отъ радости и земно кланялись. Приблизились къ Пантелеимонову монастырю; бросили якорь; стоимъ около часа, однако не видимъ никого, кромѣ тѣхъ же монаховъ-изгнанниковъ, прибѣжавшихъ по берегу изъ Дафны. Въ монастырѣ—зловѣщая тишина. Архіепископъ, опершись на посохъ, стоитъ печальный; начальствующія лица—консулъ, капитанъ, гг чиновники—въ недоумѣніи У всѣхъ въ головахъ—одна мысль: точно пріѣхали не въ святую обитель, а къ врагамъ, укрывшимся за толстыми стѣнами. Наконецъ, на берегу появились игуменъ, намѣстникъ, два іеромонаха и монахъ Мартиніанъ грамматикосъ. На вопросъ консула: «Почему вы не встрѣтили насъ, какъ слѣдуетъ? Вамъ же была послана телеграмма?»—отвѣчаютъ «Мы никакой телеграммы вашей не получали и ничего не знали о вашемъ пріѣздѣ».

«Затѣмъ архіепископъ и начальствующія лица отправились въ обитель; начался торжественный звонъ; собралось множество монаховъ, и всѣ вмѣстѣ съ владыкою и прочими лицами пошли въ Пантелеимоновскій соборъ, въ которомъ, по окончаніи молебна, архіепископъ сталъ говорить о цѣли своего пріѣзда, просилъ не противиться постановленіямъ Святѣйшаго Синода и патріарха и въ заключеніе указалъ на тѣ послѣдствія, какія могутъ ожидать непослушныхъ и упорствующихъ. Во время рѣчи преосвященнаго Никона многіе изъ монаховъ-фанатиковъ держали себя крайне грубо и возмутительно. Одни шумѣли и кричали «Не слушайте его,—онъ масонъ»! другіе безобразно кашляли и отплевывались; иные демонстративно убѣгали изъ храма, размахивая руками, какъ изступленные. Ужасно было смотрѣть. Когда владыка сказалъ: «Благословеніе Божіе на тѣхъ, кто покоряется Церкви»,—многіе закричали: «Тебѣ надо Божіе благословленіе, а не намъ». Изъ собора архіепископъ прослѣдовалъ на греческій архондарикъ (пріемный залъ для гостей) и снова долго бесѣдовалъ съ монахами; ему предлагали ночевать въ монастырѣ, но онъ не согласился и предпочелъ провести ночь,—какъ и теперь это дѣлаетъ,—на станціонерѣ. 6-го іюня преосвященный многихъ изъ противниковъ приглашалъ къ себѣ и увѣщевалъ, но мало кто убѣдился, кажется, изъ главарей покаялся только одинъ іеромонахъ, до и тотъ потомъ куда-то сбѣжалъ. 7-го хотѣли арестовать главаря бунтующихъ, монаха Иринея, но онъ взялъ въ руки крестъ и убѣжалъ въ Покровскую церковь, а его послѣдователи стали бить тревогу въ монастырскіе

колокола. Не думали мы и наши сторонники изъ Пантелеимоновской братіи, что въ тотъ день останемся живыми. Власти потребовали съ судна матросовъ, но не вооруженныхъ, такъ какъ еще не послѣдовало разрѣшенія греческаго правительства высаживать на берегъ вооруженныхъ людей. Затѣмъ изъ Кареи прибыли губернаторъ и нѣсколько греческихъ солдатъ; г. Серафимовъ и г. Щербина пробовали успокаивать бунтующихъ, но мало успѣли. 8-го ничего особеннаго не случилось; но раздраженіе среди монаховъ настолько возросло, что опасно стало ходить по монастырскому двору: всюду слышались насмѣшки, издѣвательства и крики: «Смотри, смотри, идутъ еретики, масоны! Убить ихъ окаянныхъ!» Въ одного изъ іеромонаховъ Андреевскаго скита, пришедшаго къ архіепископу Никону, съ галереи второго этажа пустили камень; къ счастью, не попали. Другого въ гавани едва не утопили въ морѣ. Вотъ какія дѣла дѣлаются въ святой Пантелеимоновской обители! Обезумѣли фанатики Архіепископъ Никонъ очень скорбитъ. Я былъ у него съ однимъ уважаемымъ аѳонскимъ іеромонахомъ, и онъ намъ, улыбаясь, сказалъ. «Я здѣсь, на Аѳонѣ, оказался масономъ и еретикомъ; даже не знаютъ, какъ и назвать меня. Развѣ это—монахи?! Это настоящіе революціонеры. Никого не хотятъ признавать». 9-го архіепископъ слушалъ литургію въ греческомъ монастырѣ Ксенофъ. День былъ воскресный. Послѣ обѣда въ Ксенофѣ я пошелъ въ Пантелеимоновъ монастырь. Вхожу въ обитель и вижу: много монаховъ собралось на дворѣ, толпятся кучками, возбужденно жестикулируютъ, кричатъ: «Игуменъ—еретикъ! Игуменъ—масонъ! Сегодня въ трапезѣ публично отрекся отъ Христа; говорилъ, что Іисусъ Христосъ не Богъ». Какъ потомъ выяснилось, игуменъ Мисаилъ въ это воскресенье читалъ въ трапезѣ посланіе Святѣйшаго Синода, въ которомъ говорится, что имя Іисусъ не есть Богъ, а пантелеимоновскіе недоумки все переиначили и извратили и наглой ложью увлекаютъ простецовъ 11-го іюня преосвященный Никонъ снова дѣлалъ въ Покровскомъ соборѣ увѣщаніе монахамъ и въ заключеніе сказалъ, что обращается къ нимъ въ послѣдній разъ. «если-де не послушаете, останется мнѣ отрясти прахъ, прилипшій у васъ къ ногамъ моимъ». Но и эти слова на безумцевъ нисколько не подѣйствовали Во время рѣчи владыки монахи открыто безчинствовали и всячески старались заглушить его голосъ. Особенно усердствовалъ въ этомъ отношеніи монахъ Іоакимъ. Открыто и дерзко прекословили архіепископу монахи Ириней и Ѳеодоръ. Послѣдній увлекся и въ своей рѣчи назвалъ товарища Иринея «мужемъ безсловеснымъ». Владыка улыбнулся на это и замѣтилъ «Не я его выбралъ, а сами вы», пантелеимоновскіе же монахи за эти слова сильно негодуютъ на Ѳеодора и обвиняютъ его въ томъ, что онъ позволилъ себѣ оскорбить ихъ наставника. 12 числа, въ шесть часовъ вечера, пришелъ изъ Константинополя пароходъ, до-

ставившіи 125 человѣкъ пѣхоты. Остановился онъ прямо противъ Пантелеимоновскаго монастыря. Вся набережная и галереи монастыря моментально наполнились монахами, главнымъ образомъ, бунтующими, въ числѣ которыхъ немало было пришедшихъ изъ Андреевскаго скита и Ѳиваиды. 13-го числа произошелъ открытый бунтъ монаховъ Пантелеимонова монастыря и объявлено военное положеніе Ко всѣмъ ходамъ и выходамъ, а также и ко всѣмъ складамъ поставлены караульные солдаты. День и ночь ходятъ по обители патрули. У кельи игумена расположился особенно сильный нарядъ. Когда было объявлено военное положеніе, ѳиваидскій іеродіаконъ набросился было на одного изъ караульныхъ, но получилъ отъ него отпоръ. Одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ дьякону: «Счастливъ ты, что монахъ, иначе тебя приказали бы разстрѣлять. Вѣдь, монастырь на военномъ положеніи».

Въ праздникъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла архіепископъ Никонъ пожелалъ служить въ Покровскомъ соборѣ Пантелеимонова монастыря, и съ этой цѣлью все заблаговременно было приготовлено. Нарочно, какъ я узналъ, посылали въ Ильинскій скитъ за діакономъ Григоріемъ, который хорошо знаетъ чинъ архіерейской службы, и были назначены сослужащіе іеромонахи и т. п. Всенощную владыка отслужилъ въ одномъ изъ придѣловъ и остался ночевать въ монастырѣ. Думаю, что эту ночь онъ едва ли когда забудетъ и, вѣроятно, во всю жизнь онъ не перенесъ столько скорби, сколько испыталъ ее подъ Петровъ день. Въ эту ночь революціонеры-монахи рѣшили взорвать всѣ монастырскія цистерны, выпустить воду и сжечь монастырь. Въ виду того, что повсюду были разставлены часовые, привести этотъ планъ въ исполненіе имъ, однако, не удалось Тогда изъ кустовъ съ горы они стали бросать въ солдатъ камнями.

Начались тревожные свистки, вызваны были офицеры, вытребованы солдаты, спокойно стоявшіе въ Покровскомъ соборѣ на бдѣніи. Переловить кидавшихъ сперва не удалось, и они вторично начали спускать съ горы и бросать въ большомъ количествѣ камни въ караульныхъ, а одинъ изъ бунтующихъ грубо оскорбилъ члена константинопольскаго посольства. Тотчасъ же начался страшный переполохъ среди монаховъ. Многіе безъ памяти бѣжали изъ собора. Всю ночь по коридорамъ шумѣли и стучали иноки. Заснуть никому ни на минуту не пришлось. Особенно шумно и тревожно было возлѣ помѣщенія архіепископа Никона. Утромъ, въ виду всѣхъ видѣнныхъ и слышанныхъ безобразій, владыка отказался служить литургію и въ пять часовъ отбылъ на стаціонеръ.

Пока этимъ и закончу свое письмо, если въ скоромъ времени не уѣду отсюда во градъ Іерусалимъ и на Синай, то напишу вамъ, чѣмъ окончится миссія архіепископа Никона.

«Вашъ другъ Г. Лукьяновъ».

БИБЛІОТЕКА ... ЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

Цѣна 25 коп. съ перес. 30.

Выписывать можно изъ Аѳонскихъ подворій въ Петроградѣ Москвѣ и Одессѣ

КНИГИ, БРОШЮРЫ И ЛИСТКИ ПО ПОВОДУ АѲОНСКОЙ СМУТЫ И ИМЯБОЖНИЧЕСКОЙ ЕРЕСИ:

«**СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ АѲОНСКОЙ ИМЯБОЖНИЧЕСКОЙ СМУТѢ**». Петроградъ 1916 г Прод. и на Аѳонскихъ подворьяхъ. Цѣна 25 к. съ перес. 30 к.

Архіепископъ Никонъ. «**ИМЯБОЖНИКИ**». Сергевъ посадъ Цѣна съ перес 45 к.

С. В. Троицкій. «**ОБЪ ИМЕНАХЪ БОЖІИХЪ И ИМЯБОЖНИКАХЪ**» Петроградъ, 1914 г., VIII+206+XXVII стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Его же. «**УЧЕНІЕ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО ОБЪ ИМЕНАХЪ БОЖІИХЪ И «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПОКЛОНЕНІЕ»**. Петроградъ 1914 г. Цѣна 20 к.

Его же. «**КАКЪ УЧАТЪ ОБЪ ИМЕНАХЪ БОЖІИХЪ ИМЯБОЖНИКИ И КАКЪ УЧИТЪ О СЕМЪ СВ. ЦЕРКОВЬ**». Одесса, 1914 г

Его же. «**УЧЕНІЕ АѲОНСКИХЪ ИМЯБОЖНИКОВЪ И ЕГО РАЗБОРЪ**». Петроградъ 1914 г Цѣна 10 к.

Его же. «**НОВОЕ ИСПОВѢДАНІЕ ИМЯБОЖНИКОВЪ**». Петроградъ, 1915 г.

Его же. «**НОВАЯ ПОЗИЦІЯ О. АНТОНІЯ БУЛАУОВИЧА**». Петроградъ, 1915 г.